

ГАЛИНА РОМАНОВА

СЕМЬ ЛЕПЕСТКОВ ЗЛА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Семь лепестков зла

«ЭКСМО»

2013

Романова Г. В.

Семь лепестков зла / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2013 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-62625-0

Молодая сотрудница полиции Альбина Парамонова расследует дело о странной гибели бизнесмена Виталия Рыкова, которую все считают несчастным случаем. Ни у одного из экспертов не вызывает сомнений естественная причина смерти Рыкова. Тогда что же не дает покоя Парамоновой, зачем нужно снова ехать к безутешной молодой вдове Виталия Насте? Несчастливая красавица, скорее всего, ничего нового не сможет рассказать. Но возле дома Рыковых Альбина неожиданно встречает аж двух своих поклонников – коллегу Сергея Иванцова и бывшего возлюбленного – журналиста Влада Сиротина. Причем последнего толком разглядеть не удастся. Машина Влада на огромной скорости проносится мимо Альбины. Неужели он следит за ней? Однако на следующий день оказывается: Сиротин погиб накануне в автокатастрофе. И опять в один голос все уверяют Парамонову в том, что это был несчастный случай... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-62625-0

© Романова Г. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	37
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Семь лепестков зла

Глава 1

Двор его дома был погружен во тьму. Влажную, прохладную, сентябрьскую. В доме светились лишь два окна на третьем и втором этажах. Первым было окно спальни его квартиры, где десятью минутами раньше разыгралась банальная скверная история. Второе принадлежало тихой пожилой женщине, видимо страдающей кучей старческих болячек, не дающих ей спокойно спать. Ее грузный сутулый силуэт то и дело мелькал за тонкой тюлевой занавеской, и это ему мешало.

Мешало спокойно сидеть и мрачно думать. Мешало просто мерзнуть и без конца заставляло поднимать взгляд к своему окну и задаваться нелепыми прозаичными вопросами.

Он же был удачливым парнем. Успешным, смелым, отчаянным, веселым, привлекательным. С лихим кудрявым чубом, чудной белозубой улыбкой и энергичными действиями, так устраивавшими всех его знакомых девчонок. Ему все удавалось, что задумывалось. У него все выходило. Как же так получилось?! Как вышло, что все это исчезло: привлекательность, удачливость, отчаянность?! Осталось одно отчаяние! Осталось унылое бледное лицо, невыразительный взгляд потухших серых глаз, неглаженные брюки, растянутые свитера. Осталось жалкое тусклое существование с полным отсутствием просвета впереди.

Почему?! Где он ошибся?! Где не туда свернул? Где не то выбрал?!

Он опустил ногу, уперся носком ботинка в сырую землю и оттолкнулся. Старые ржавые карусели, тихо взвизгнув, медленно поехали влево. Он оттолкнулся еще и еще раз. Карусельное движение ускорилося, визг окреп, и тут же сутулый силуэт пожилой женщины замер у подоконника. В его окне никакого движения не наблюдалось.

Через пару минут ему надоело наблюдать, как за ним наблюдают, и он остановил карусели. Поежился, подняв воротник легкой куртки повыше. Ему было очень холодно и противно сидеть здесь. После частых дождей старые доски карусельных сидений набухли, и брюки насквозь промокли. На нем не было носков, потому что он снял их, когда вошел в дом. Он еще не знал тогда...

Он выскочил из дома в домашних тапках на босу ногу. Вместо того чтобы устроить дикую разборку этим двоим, совокупающимся в его постели, он удрал. Постыдно, трусливо удрал! Но противно ему сейчас не только от паскудства, устроенного этими особями, разрушившими его жизнь. Не только от собственного трусливого бегства. А оттого, что он сказал, пятясь к двери.

Что?

Да он извинился!!!

– Ой, – пискнул он по бабьи, увидев монотоннодвигающийся мужской зад, и попятился к двери спальни. – Кажется, я не вовремя? Простите!

И ему потом казалось, пока он летел по лестнице вниз с третьего этажа, что эти двое хохочут ему вслед. Громко, надсадно, до хрипоты хохочут!

И вот теперь, сидя в темном сыром дворе, насквозь продуваемом сентябрьским свежим ветром, он вдруг понял, что не хочет жить. Нет, не то чтобы совершенно не хочет. Не так, чтобы его зарыли в землю. А так, как жил, он жить не хочет!

И как быть?! И что теперь делать после принятия такого вот мужского будто бы решения?!

Он вздохнул и полез с каруселей. Сделал шаг в сторону подъезда и споткнулся.

Как же так?! Он же решил поменять жизнь, тогда почему возвращается?! За ботинками? Точно! Ему нужно переобуться, собрать вещи и...

Идти ему было некуда. Его никто и нигде не ждал. Никто. Нигде. Он пошел по двору. От подъезда к подъезду. От двери до двери. Смешно, крадучись, как вор. Кто мог увидеть его в домашних тапках на босу ногу в этот поздний час? Кто мог разобраться в путанице его горьких мыслей? Кто мог пожалеть, осудить, посмеяться над ним?

Никому до него не было дела, никому! Даже пожилая женщина угомонилась, погасив свет в своей квартире. Болячки устали ее донимать, позволив уснуть глубокой ночью? Или она настолько привыкла к боли, что...

– Эй, прекрати топтать!

Голос, раздавшийся от приоткрытой двери его подъезда, был ему незнаком. И принадлежал он женщине.

– Вы мне?

Он обернулся, поставил ладонь козырьком над бровями. Свет фонарного столба бил в лицо, и рассмотреть лицо говорившей было невозможно.

– Тут что, еще ктонибудь есть?! – фыркнула женщина. – Тебе, конечно! Сначала каруселями скрипит, теперь топает под окнами! Сил нет слушать!

Понятно. Это та самая тетка, что не спит ночами из за болезней.

– Извините, – пробормотал он и стал себе еще более ненавистен.

Почему было не послать злобную бабу куда подальше? Почему он все время извиняется? Он по общему двору топает, не по ее квартире!

– Чего домой не идешь, Анатолий? – вдруг спросила она и отступила за дверь, впуская его в подъезд. – Сначала вниз промчался, как олень. Теперь назад не идешь. Поругался, что ли, с Лизкой своей?

Она и имена их знает! Ну, ничего себе! Он вот лично с ней не знаком, хотя и живет в этом доме уже пять лет. Да, точно. Как с тестем поругался из за Лизки опять же, так и вернулся в родительскую квартиру. Думал, что все у них сложится великолепно без опеки Лизкиных родителей. Не сложилось! Мало того, все пошло кувырком с того самого дня, как молодые гордо хлопнули дверь. И не вредил им никто. Ни тесть, ни теща, хотя оба между собой постоянно соревновались в степени влияния и значимости. Нет, не было ничего такого. Они вообще не лезли. И в результате их с Лизкой семейный крейсер превратился за пятилетку в утлое суденышко. И то сегодня вечером пошло ко дну.

– Поругались? – снова пристала женщина и, ухватив его за рукав куртки, повернула к себе.

«А она не так уж и стара», – вдруг решил он, присмотревшись. Сутулая, это да. Но не старая. Лицо почти без морщин. И фигура еще хранила округлости, несвойственные старости. Одетая в джинсы и джемпер крупной ручной вязки. Чего тогда Лизка врала, рассказывая, что тетку со второго этажа болячки одолели и она не спит ночами? Привычно считает, что все, кто старше двадцати пяти, уже древние?

Вспомнив о своей молодой жене, которой едва исполнилось двадцать пять лет, вспомнив о ее молодом сочном теле, отданном на поругание не пойми кому, он чуть не заскулил.

За что ему все это?! Что он такого сделал?! Он же любил ее. Холил и лелеял, как мог! Да, не получалось, как у мамы с папой, но никто же не обещал, что все будет непременно так же!

– Поругались? – в третий раз спросила женщина и ответила за него: – Вижу, что дело плохо. Даже хуже, чем поругались.

– Хуже, – признался он, и ему вдруг захотелось разрыдаться на плече этой женщины, которой он своей ходьбой по двору мешал уснуть. – Она... Она...

– Снова притащила в дом любовника? – вздохнула соседка и с кивком ответила самой себе: – Можешь не говорить ничего, и так все знаю.

– Вы?! Знаете?! Откуда?!

– Вижу потому что. И все видят. – Она вздохнула и потащила его к ступенькам. – Пошли за мной. Чаем тебя напою, а потом домой пойдешь.

– Не могу! Не могу я! – Он вцепился в лестничные перила, замотал головой.

Чего он не мог: пить чай в чужом доме посреди ночи или домой идти? Или и то и другое вместе?

– Все ты можешь, – хмыкнула она, прищурив глаза. – Все всё могут, только хотят не все. Идем...

А потом он сидел в чистенькой уютной кухне с полками, уставленными банками с вареньем и маленькими корзинками с сушеными цветами и фруктами. Пил чай с Марией Ивановной – так звали женщину, страдающую бессонницей, – и слушал страшную историю ее жизни.

– Как же вы могли?! – вопрошал он между третьей и четвертой чашкой чая. – Убить!!! Убить собственного мужа!!! Отца своих детей!!! Это... Это так страшно!!!

– Страшно, мальчик, просыпаться среди ночи от дикого стука в дверь или в окна. Страшно прятаться в огороде, когда он выскакивал за нами следом с заряженным ружьем. Страшно, когда он разряжал его все равно куда. Однажды... Однажды пуля пролетела всего в десяти сантиметрах над головой дочери. Я только и поняла потом по обломившейся ветке... Страшно, когда он приводил в дом друзей и грозился отдать меня им.

– Отдал?

Все внутри его восставало против этой дикой истории. Хотелось заткнуть уши, выбежать, роняя тапки, снова во двор и бежать через весь город. Все равно куда, лишь бы подальше от этой женщины. Но он, как замороженный, все равно сидел и слушал.

– Я долго ждала этого момента, – вспоминала она, глядя невидящим взглядом сквозь него. – Он часто уезжал, часто возвращался. Иногда с деньгами. Чаще без. Никто не знал, где и чем он зарабатывает. Все предрекали ему беду. Сгинешь, говорили многие, в далеком краю. И костей твоих никто не найдет никогда. Не нашли... Никогда...

– Вы?

– Я! – Она победно ухмыльнулась, лицо сразу стало жестче, старше, обозначились морщины, тяжелые круги под глазами. – Я дождалась очередных его сборов. И ночью, когда он пошел к двери с вещами, вызвалась его проводить за деревню. А знаешь, как у нас за Уралом? Там за деревней сразу тайга. В этой тайге он и лежит до сих пор. Вернее, в болоте.

– Вы... Как вы его?!

Он судорожно сглатывал, чувствуя одновременное желание укрыться от ее слов и в то же время испытывая какое то напряженное удовольствие от продолжения ее истории. Ему вдруг захотелось узнать все, все. Как это было? Нож? Ружье? Топор? Как хрустели кости? Была кровь? Осознала ли жертва, что с ней произошло?

– Это не так важно, сынок! – вдруг оборвала она свое красноречие протяжным зевком, обнажившим вставные зубы.

Его замутило.

– Важно то, что я все продумала до мелочей. Я хотела, и я смогла. И я стала свободной. И дети мои тоже. И выросли нормальными хорошими людьми. И ты...

– Что я? – не понял Анатолий, поднимаясь с ее удобного стульчика в красивом вязаном чехле.

– И ты сможешь, если захочешь!

Она наступала на него, тесня к выходу, – большая сутулая женщина с одутловатым, оттого и не морщинистым лицом, с холодными глазами в обрамлении бесцветных ресниц. Он отступал, нервно сжимая пальцы в кулаки в карманах куртки. Ему очень хотелось услышать главное: как, как она это сделала?

– Я не смогу! – выпалил он, упервшись спиной в головку английского замка.

– Сможешь, если захочешь!

– Что?! Что я смогу?! – заныл он, она отодвинула его в угол и теперь открывала замок. – Что я должен суметь, Мария Ивановна?!

– Ты?

Она удивленно смерила его взглядом с головы до голых пяток, хмыкнула снова. А потом сказала те самые страшные слова, которых он так боялся и которые так жаждал от нее услышать.

– Ты должен ее убить, Анатолий.

– Я??? Убить??? – Он осип, ослеп, мотая головой из стороны в сторону, без конца ударяясь о стены, оклеенные красивыми полосатыми обоями. – Лизу??? Я не могу!!! Как я смогу это сделать?! Это ужасно! Чтобы я убил Лизу!!! Я убил свою жену!!! Это невозможно!!!

– Тогда она выгонит тебя из твоей же квартиры, – зашипела со странным присвистом соседка, выпихивая его на лестничную площадку. – И станет смеяться над тобой. Вместе со своим любовником. Кстати, он моложе ее на пять лет. И у него...

Он не дослушал, резко дернул за дверную ручку. И захлопнул дверь до того, как узнал, что же такого есть у Лизкиного двадцатилетнего любовника, чего нет у него.

Противно, мерзко, страшно!

И история жизни этой женщины, и подначки ее.

– Провокаторша! – просипел он, покосившись сквозь лестничный пролет на ее железную дверь. И уже сам себя уговаривая, пробормотал: – Всегда ведь можно развестись. А квартира... Она досталась мне в наследство, Лизка не посмеет...

Глава 2

– Фигня какая то! – возмутилась Лиза и, оттолкнувшись от подоконника, прошла к своему столу в дальнем углу.

– Ты чего, Лизок?

Соседка по кабинету, Ирочка Васина, пухленькая миленькая брюнеточка, на минуту оторвалась от своих документов, взглянула на коллегу поверх очков и вздохнула, потому что Лиза казалась очень расстроенной. А это значило, что ее придется сейчас расспрашивать, потом советовать и, возможно, даже утешать. Ничего этого Ирочке страсть как не хотелось делать. Не было времени – раз. Не было желания – два. И утешать советами Лизку – все равно что делать искусственное дыхание мертвой собаке. Бесполезно и противно одновременно.

Та еще была штучка – эта Лиза Шебанова.

Родилась в приличной семье. Красавицей родилась, не уродиной. Получила хорошее воспитание, образование. Заполучила потом себе в мужья хорошего порядочного парня. Родители им выделили целый этаж в своем доме. Живи, казалось бы, и радуйся. Наслаждайся жизнью, комфортом, удобствами, милостиво предоставленными родителями.

Нет же! Чего то ей все время не хватало. Сначала самостоятельности: родители будто бы отслеживали каждый их шаг. Рассорила мужа с отцом, добилась своего. Съехали из дома. Поселились в квартире покойных родителей ее мужа. И что? Мир и покой воцарились?

Как бы не так! Лизке тут же должность мужа показалась непрестижной. И она давай его с одной работы на другую мотать. Как шар бильярдный, честное слово! И добилась не пойми чего: пропал мужик. Лишился работы, его вообще теперь никуда не берут. Лишился уважения, сам себя, кажется, уже не уважает. Подрабатывает теперь где придется. Похож на бродяжку, честное слово!

А Лизка что? А ей все нипочем. Она начала крутить роман за романом. Почти под носом у собственного супруга. Хотя его теперь и супругом-то назвать сложно. Видела его тут Ирочка на днях – совершенно потерялся мужик. Обросший, неухоженный, грязный. Она всерьез подозревала, что Лизка его домой не пускает. А ведь квартира то его! Но ей ведь разве докажешь!

Теперь вот новую фишку придумала. Следит за ней будто бы кто то! Кому она нужна?! И зачем?! Анатолий и так знает про все ее художества. Отец тоже. И кому надо за ней следить?

– Это она, чтобы собственный статус в глазах общественности повысить, – предположила в курилке позавчера Валя Носова. – Опустилась ведь ниже шлюхи портовой. Кто ее только не пользует! Многие уже нос от нее воротят, да! Вот и придумала фишку со слежкой. Эдакий пикантный нюанс, да?..

Ирочка не дождалась ответа от Лизы Шебановой и снова углубилась в изучение документации. А когда глаза подняла, ее в кабинете уже не было. Причем отсутствовали и сумка, и плащ.

– Лизка совершенно обнаглела, – пожаловалась на нее Ирочка в курилке.

– Что такое? – Все дамы разом – а было их шестеро – вытянули шеи, разгоняя табачный дым любопытными носами.

– Взяла и среди рабочего дня ушла. Сначала постояла у подоконника. Все бормотала что то. А потом я голову подняла, а ее и нет.

– Ей кто то звонил, когда она по коридору бежала, – вспомнил кто то.

– Бежала?!

Представить вальяжную, медлительную Лизу бегущей было сложно. Все удивились. Начали сразу шуметь, фантазировать, вспоминать о всяческих ее причудах в последние дни. Потом разом потушили окурки, сошлись во мнении, что блядство до хорошего еще никого не доводило, и разошлись по кабинетам.

А утром следующего дня их всех застигла врасплох тревожная новость, что в кабинете генерального заседает целая делегация из следственных органов. Все тут же принялись рыться в столах, пытаясь избавиться от чего то, не предназначенного для чужого глаза. Такого практически не находилось, давно и плодотворно работали по честному. Потихоньку потянулись в курилку, гадали, охали. И тут...

– Девочки, там такое!!! – Еле держась на высоченных каблуках, в курилку ввалилась секретарша Сонечка. – Там такое!.. Дайте сигаретку, а!

– Ты же не куришь!

Ирочка подозрительно осмотрела секретаршу с головы до ног, но сигарету все же протянула. Если честно, то Сонечку она недолюбливала. Мало того, что та была красавицей. Так еще и в недотрогах числилась! Это нормально, нет?! Все их красавицы по третьему кругу прошли через дирекцию. Та же Лиза не исключение. А Соня что?! Ей за что поблажки?! И их опять же сторонила. Здравствуйте, до свидания – и все. Не курила! А тут вдруг мало того прилепала в курилку, так еще и сигарету просит! Дела-а-а...

– Что там за комиссия отца Денисия? – миролюбиво пропела Валя Носова, с усмешкой наблюдая за тем, как Сонечка неумело пытит сигаретой и щурится от едкого дыма.

– Там ужас!!! – выдохнула Соня и закашлялась, закашлялась. Тут же ткнула сигарету в высокую пепельницу, наполненную речным песком, и снова повторила: – Там ужас!!!

– Это мы уже поняли, – посерьезнела Ирочка. – Дальше то что?

Она почти не скрывала неприязни, рассматривая с головы до ног эффектную блондинку Сонечку, наряженную в дорогое шелковое платье и ручной работы туфельки. Она была чужеродным телом в их трикотажно-джинсовом племени, и делать ей тут было совершенно нечего.

– Видели двоих следователей, что засели в кабинете генерального? – задала Сонечка наводящий вопрос.

Все девчонки хором выдали:

– Ну!

– Так вот: они по Лизкину душу! – Сонечка округлила большущие глазищи, и те вдруг наполнились слезами то ли от дыма, то ли от напряжения. – Вернее, по ее душе!

– Чего ты мелешь??? – взорвалась и Валя Носова, которая прежде всегда проявляла к секретарше лояльность и почтительно сторонила ее, подозревая во всяческих связях и лохматых руках, проталкивающих блондинку и защищающих от посягательств мужчин из дирекции. – По ее душе!!! Ты себя слышишь??? При чем тут Лиза?!

– При том, что ее больше нет! – Все же глаза у секретарши слезились не от дыма, слезы пролились и заструились так обильно, что тут же намочили высокий воротник дорогого шелкового платья.

– Что-о-о??? – взревел дружный курящий коллектив фирмы. И потом уже вразной: – Как нет??? Куда подевалась?! Что значит нет?! Что за бред такой??? Чего они вообще приперлись?..

– Ее убили! – выдавила Сонечка между судорожными вдохами-выдохами. – Точно не знаю, кто, как, но слышала что то про убийство, когда чай им заносила. Теперь начнется!

– Что начнется? – затрясла от волнения Валя Носова нижней губой.

– Допросы, разговоры, сплетни. О господи!!! – Сонечка театрально воздела руки к пожелтевшему от никотина потолку курилки. – Как не хочется!!!

– Не хочется чего? – Теперь у Вали Носовой тряслась и верхняя губа, и подергивалось левое веко.

– Отвечать на их вопросы! – Сонечка осушила глаза неведомо откуда взявшимся носовым платочком в кружевах. – Ведь вцепятся... Нашего генерального трясут, а он что?!

– А мы что??? – снова хором.

– Мы ведь... – Тут секретарша глянула поочередно на каждую, да так глянула, что зарыться захотелось всем в тот самый песок, бугрившийся окурками. – Мы ведь общались с ней, много о ней могли знать.

– Могли, но не знали! – вспылила Ирочка, замотав у Сонечки перед носом подрагивающим указательным пальцем левой руки. – И вообще... Как?.. Как ее?.. Как она умерла?!

И Сонечка вдруг смутилась, покраснело милое личико. Тут же повернулась резво на каблучках и заспешила к узкой обшарпанной двери тупичка под лестницей, который они гордо именовали курилкой.

Но Валя Носова, справившись с нервным тиком, преобразившим ее лицо до неузнаваемости, преградила ей дорогу.

– Говори! – потребовала она и выпустила в лицо секретарше клуб дыма, скрывший милую девочку от присутствующих почти по пояс. – Как померла Лиза?

– Так машина ее сбила, господи! Чего вы?!

И ушла.

– Вот пакость! – выпалила Ирочка, не выдержав. – Наговорила, наговорила, а оказалось то...

– Да уж... – отозвался кто то из девчонок. – Все под богом. Она ведь ходила, земли не видела.

– Да уж... – эхом отозвался еще кто то. – Сама видела, как плевать Шебанова хотела на все светофоры разом.

И все как то успокоились, заговорили уже о погребении, о том, сколько денег надо собрать. Принялись жалеть Толика. Потом посочувствовали. А потом уже шепотом и порадовались.

– Да уж, не было счастья, да несчастье помогло, – поддакнула Носова Валя и ткнула последний окурочек в песок. – Тут еще вот что, девчонки... – Все затихли. – Чтобы нервы нам не мотали, давайте ка про ее манию преследования промолчим. Идет?

Кивнули все одновременно. Зачем лишние вопросы и душевные терзания? Никто не видел и не замечал никогда никакой слежки за Лизой. А то, что она говорила, еще надо было доказать. Доказывать теперь некому и незачем.

– Так что... Ничего не знаем, ничего не видели, ничего не слышали, – закончила Носова и взглянула на часы. – Обед скоро, а у нас еще и конь не валялся. Идемте, поработаем, что ли.

Они и поработали, и со следствием посотрудничали в тот день. Только безрезультатным было сотрудничество. И, как они потом оживленно обсуждали это за сигаретой, никто от них никаких чудес и не ждал. Дорожно-транспортное происшествие оно и есть дорожно-транспортное происшествие, чего огород то городить! Про то, что Лизке чудилась слежка, никто так и не обмолвился. И вопросов лишних никто задавать не стал следователям: милой симпатичной девушке, едва оторвавшей попку от студенческой скамьи, и ее спутнику – пожилому дядьке, так уставшему от житейского дерьма и нелегкой службы, что он едва веки приоткрывал, когда с ними разговаривал. Того гляди уснет прямо за столом.

Вопрос Ирочка осмелилась задать лишь Анатолию в день похорон. Не хотела, больно уж убитым он выглядел. Убитым, жалким, помятым каким то. Она бы и не спросила никогда, да так вышло, что на поминках Анатолий уселся справа от нее. Время от времени они обменивались какими то ничего не значащими фразами.

Тогда она и спросила:

– Толик, а не нашли того, кто это сделал?

– Сделал что?! – Он выпрямился за столом так, будто через позвоночник ему ток пропустили, и глянул на нее глазами сумасшедшего.

– Ну... Сбил Лизу кто, не нашли? – Ирочка взглянула на него, жалеючи. – Ты не убивайся так, Толя! Ты еще молод и...

– Нет, не нашли, – промямлил Толик и снова съежился, будто у него живот болел все время. – Машина значилась с утра в угоне. Следствие предполагает, что на ней планировалось совершить какое то другое, более крупное преступление. Так бывает... Планируют грабить банк или уже ограбили, скрываются с места преступления, а тут... Так бывает...

– Так бывает, – поддакнула Ирочка и снова изо всех сил пожалела бедного парня.

Сколько ему, двадцать пять, двадцать восемь? Тридцати точно нет, а выглядит стариком. Костюм явно с чужого плеча, воротник рубашки велик для усохшей шеи. Под глазами мешки, волосы на висках седые, щеки обвисли.

Лизка виновата, хоть о покойниках плохо и нельзя. Она его скукожила в личинку человеческую. Теперь Толик и вовсе пропадет. Наверняка запьет. Хотя вот и на поминках к стакану не припадает, все минералкой угощается.

– А искать то будут? – вдруг спохватилась она, заметив в толпе печальных гостей, столпившихся уже у выхода, родителей.

– Что? Искать? – Он вздрогнул и взглянул на нее снова диковато, испуганно. – Кого искать?

– Ну... Того, кто это сделал?

– Нет, не знаю, наверное, – скороговоркой выпалил Толик и принялся ковырять кусок рыбы, давно застывший в его тарелке. – Следователь говорит: шансов нет.

– Почему? Разве не было свидетелей? День еще почти был, народ с работы валил. Неужели никто не видел того, кто был за рулем?!

– Машина была с темными стеклами. Никто ничего не видел, – вздохнул он судорожно и отодвинул тарелку. – Отпечатков тоже в машине не обнаружено. Все уничтожили... гады. Шансов нет... Так бывает...

– Пропадет он! – верещала на следующей после похорон неделе в курилке Валя Носова.

– С чего ты взяла? – парировал кто то с недоверием. – Он мне пропащим не показался. Нормальный мужик. Худоват, правда. Ну, горем убит. А так...

– Да?! А ты знала его раньше?! Знала, каким он был?!

– Нет.

– То то же! Он... Он таким был красавцем! Таким разбитным ловеласом!!! Он такого достиг! И тут Лизка его по рукам и ногам!

– Анатолий?! – вытаращилась Сонечка, она вдруг стала посещать их десятиминутные сборища и даже прирастилась к сигаретке, правда, мусолила какую то дрянь с вишневым вкусом.

– Анатолий, Анатолий! – покивала Валя. – Она ему всю жизнь испортила, покойница наша. Да упокой, господи, ее душу! – И тут она понизила голос до шепота и произнесла: – Если бы я не была уверена в обратном, я бы подумала, что это он ее того...

– Чего того?! – опешила Ирочка.

Она последние дни все больше помалкивала. Не от того, что настроения не было, а из за Сонечки. Ну не хотелось ей ее холеного присутствия! Претил ее интеллигентный лоск. Хоть и пыжилась та, и норовила «завсегда с народом быть», выходило у нее это чрезвычайно наигранно. И, опять же, после этих посиделок с сигареткой бок о бок она вольно или невольно, но осматривала свою поплывшую талию в зеркале. Сонечку то можно было легко руками обхватить. Ирочку нет.

– Чего – того?! – снова спросила она Валю и разозлилась. – Сказала «а», говори «б»! Ну!

– Говорю! Если бы не была уверена в обратном, подумала бы, что это Анатолий Лизку убил!

– Не убил, а сбил, во первых, – вдруг поправила ее Сонечка странным голосом, сильно напоминающим интонацию их генерального. – А во вторых, у Анатолия этого вашего, говорят, железное алиби.

– Кто говорит?! – вцепились в нее сразу девочки, Ирочка с Валею не отстали. – Кто такое говорит?! Какое алиби?!

– Говорит следовательша эта, как ее... – Она театрально пощелкала пальчиками, будто припоминая, хотя наверняка помнила. – Парамонова, во! Парамонова Альбина Витальевна! Захочешь выговорить спьяну – не получится!

– И что она говорит? Что?!

– Она говорит, что в момент гибели супруги Анатолий Шебанов разгружал машину в каком то гипермаркете, а потом спал пьяный, и его видели человек тридцать. Он там, к слову, постоянно подрабатывает.

– Вот дожил человек, а!!! С высшим техническим образованием, без пяти минут гений – и вдруг грузчик!!! Он же кем мог быть... С его то головой!!!

Девочки еще три перекура жалели Анатолия. Вспоминали, кто знал его раньше, о его заслугах, успехах и прочем. Помалкивала одна Ирочка.

Мысль, посетившая ее пару часов назад, застряла в голове и не желала оттуда выпрыгивать. Сидела и зудела занозой. И настроение все портила. И заставляла считать себя дрянью распоследней по отношению к погибшей Лизе, и нехорошим, несознательным гражданином по отношению к этой, как ее, Парамоновой Альбине Витальне, во!

Почему не сказала следователям, что Лиза почувствовала за собой слезку за несколько дней до гибели? Почему не призналась, что в последний день жизни Лиза кого то увидела в окне и тут же удрала с работы?

Потому что боялась, что под подозрение попадет Анатолий? Она ведь симпатизировала ему, скрывать от себя это грешно. За него переживала? Он ведь единственный заинтересованный в гибели Лизы человек. Но у него же алиби! Стопроцентное алиби. Так говорят...

Глава 3

– Прошу ответить жениха!

– Да! – Жених повернул голову в сторону белого снопа из дорогого кружева, шифона и капрона, под которым совсем-совсем не было видно лица.

– Прошу ответить невесту!

– Да! – пискнул тонкий голосок невесты.

Казенный взгляд регистраторши, должный быть теплым и ободряющим, а на самом деле пустой и безжизненный, скользнул по обоим. Тусклый голос, должный быть торжественным и бравурным, а на самом деле просто громкий, объявил их мужем и женой.

Все тут же кинулись поздравлять молодых, засыпая их дорогими букетами. Жених – высокий, здоровый, горластый, властный – задрал многочисленные слои головного убранства невесты и впился в ее нежный рот долгим поцелуем. Ей, кажется, было больно, но она терпела.

Дальше – больше.

Здоровенный, удачливый мужик – сегодняшний жених – одной рукой обхватил молодую жену за талию, а второй вдруг хлопнул ее по задку. Конечно, он не добрался до нежной юной плоти, и должного шлепка не вышло. Но она вдруг сконфузилась, опустила голову, и по щеке покатилась слеза.

– Она заплакала?! – Альбина нажала на пульте кнопку перемотки.

– Да ладно! Просто смутилась, – не поверил ее наставник – пожилой дядька, считающий не дни с часами, а минуты, когда сможет уйти наконец на покой, недоверчиво качнул головой. – Эка невидаль, муж по задку шлепнул! Чего переживать то?!

– Но при людях! – Она остановила кадр, увеличила его, ткнула пальцем в экран. – Точно, плачет! Господи, она, наверное, несчастлива была уже тогда!

– Альбина, не выдумывай.

Наставник, которого звали Михаил Иванович Сучков, протяжно зевнул и потянулся к нижнему ящику своего стола, где у него всегда хранилась бутербродная заправка. Он достал ломоть изгрызенного им же самим хлеба, двести граммов докторской колбасы, странно уже пахнущей. Отломив снова от хлеба, он положил сверху всю колбасу и начал кусать, не нарезая кусками. Он считал баловством всю житейскую сервировку и условности.

– Главное – насытиться! – любил приговаривать Сучков Михаил Иванович, нелюбезно поглядывая в сторону горы салфеток и пластиковых контейнеров, в которых Альбина приносила на дежурство еду. – А будешь ты кушать, есть ложкой или руками, разве важно?

Альбина ему не перечила, привычек его не перенимала и жутко уважала за профессионализм и хватку хищника, которые Михаил Иванович вечно прятал под ленивой личиной и сонным взглядом. Он уже лет пять наставничал и давно бы уже ушел на пенсию, а она все просила и просила не уходить.

– Почему она плачет?

Альбина постучала по щеке пультом и тут же принялась ходить по кабинету, чем нагнала на своего старшего товарища жуткую тоску. Он терпеть не мог мельтешения.

– Хватить метаться, Альбина! – взмолился он через пару минут. – Плачет и плачет, чего ты переполошилась? Может, от счастья, может, от волнения, может, от удовольствия! Что тебя смущает?

– Она... – Парамонова показала пультом в сторону экрана. – Она его ненавидит!

– Вот придумала! – Сучков еле кусок колбасы проглотил, чуть не подавился. – Чего ей его ненавидеть?! Она же замуж за него идет! В этот вот самый день!

И Сучков, сложив руки лодочкой, тоже начал показывать на экран, на котором крупным планом застыло лицо юной невесты в слезах:

– Добровольно идет! Не по принуждению!

– А чего ревет? – настырничала Парамонова, наклоняя коротко стриженную темнокудрую головку.

– Вот погоди... – Сучков снова выдвинул нижний ящик своего стола, швырнул туда недо-еденный бутерброд, отряхнул крошки с джемпера и тогда только закончил: – Станешь выходить замуж, мы на тебя посмотрим.

– Не посмотрите, Михаил Иванович. – Альбина с печальной улыбкой уселась на свое место.

– Это еще почему?

– Во-первых, замуж меня никто не берет...

– Еще бы! – фыркнул он весело. – Такую то настырную!

– Во-вторых, если даже и возьмут. – Она немного на него обиделась, но вида не подавала, выключила телевизор, видеоплеер, швырнула пульт в ящик стола. – Я такие пиршества устраивать не стану.

– Еще бы! Откуда у тебя такие деньги?! – продолжил веселиться Сучков.

– А может, муж у меня будет не нищим! – Парамонова прикусила губу.

– Это исключается, – совершенно спокойно снова возразил старший товарищ.

– Почему это?

Альбина уже злилась нешуточно и готова была наорать на Михаила Ивановича. Но терпела, понимая, что все его слова провокация. Наорет – он завтра же рапорт об увольнении на стол начальству положит. И оставит ее одну в свободном плавании. А ей без него никак. Пока никак.

– Потому что, если у твоего мужа... У будущего мужа, – внес коррективу Сучков, забавляясь ее бессильной злобе, – будут деньги, ты тут же станешь устраивать ему всяческие проверки. А не вор ли он? А не аферист ли? И откуда средства? Помнишь, как с тем журналистом получилось? Хороший же был парень, а ты что устроила? А ты ему запрос на службу отправила. И чуть его с работы не уволила. Дуреха!

Альбина не выдержала и метнулась из кабинета прочь.

Упоминание о Владике всегда отдавалось болью в ее сердце. Он был таким милым, таким славным. И все начиналось у них так же мило и славно. Но потом...

Потом Владiku пришла в голову мысль сделать ей предложение. И не гденибудь, а на Мальдивах. И он по неосторожности купил две путевки: себе и ей. И вручил их Альбине в торжественной обстановке, за ужином в ресторане. Она так перепугалась тогда, что еле досидела до конца вечера. Ответа ему конкретного, конечно же, не дала. Обещала подумать. А наутро уже строчила запрос в его издательство.

Издательство было солидное, запрос их насторожил, они схватили Владика за шиворот и протащили по всем имеющимся у них там ворсистым коврам. Потом додумались позвонить в отдел, приславший запрос. Там их соединили с Сучковым, он и прояснил ситуацию.

– Это моя юная сотрудница... – рассказывал он начальнику службы тамошней безопасности, оказавшемуся его знакомым по каким то давним совместным делам. – Пробивает своего дыхателя. Больно уж он ей благополучным кажется. Бойтся, как бы чего не вышло...

Ничего и не вышло. Владик путевок у нее не забрал, но и не позвонил больше ни разу. А столкнувшись однажды с ней в гипермаркете, остолбенел в первое мгновение, потом побледнел, следом сунул обратно на полку бутылку дорогого коньяка и дал такого деру, что Альбина перепугалась, как бы парень не снес своим молодым сильным телом все попадающиеся на его пути прилавки.

Вот такая у нее вышла лавстори.

Были и еще, конечно, но какие то все неубедительные, смешные, продолжавшиеся по паре недель, редко когда – по полтора месяца. Дальше Владика, то есть до ее кровати, не дошел пока никто. И, если честно, не очень то и стремились. Боялись они ее, что ли?

Альбина прошла вверх по лестнице, потом вдоль длинного коридора до самого конца. Там, в тупике у маленького узкого окошка, отдышалась. Потом вернулась обратно тем же порядком, но уже не с той ретивостью.

Когда она вошла в кабинет, Сучков что то медленно печатал на компьютере, нацепив на кончик носа старомодные смешные очки. На нее он едва взглянул. Но минут через пять примирительно проворчал:

– Отчет вот печатаю по этому, так сказать, громкому делу! Еле-еле выходит буквы складывать. Терпеть не могу эту клавиатуру! Лучше бы уж от руки... Технологии, мать их!!!

Альбина молчала, хотя отчет прочитать не терпелось. Но она решила выдержать. Пусть. Пусть Михаил Иванович почувствует себя хоть немного виноватым. Взял моду задирать ее. А про Владика в последнее время вообще несчетное количество раз вспомнил. Ей же неприятно! Ей же даже немного больно! Неужели непонятно?!

– В общем, все, точка! – провозгласил через час Сучков и громко щелкнул по клавише с точкой на клавиатуре. – Состав преступления нет и быть не может!

– Вы дали такое заключение, как старший следователь? – Альбина недоверчиво скривила губы, подперев подбородок кулачком.

– Да. Есть возражения, коллега? – Сучков посмотрел на нее поверх смешных старомодных очков.

Она молча пожала плечами.

– Возражений нет! – улыбнулся ей примирительно Сучков. – Вот и умница! А чего ты так насторожилась то, не пойму? Заключение дано однозначное: смерть наступила в результате того, что наш... – Сучков потыкал указательным пальцем в сторону экрана телевизора, стоявшего на отдельном столе в их кабинете. – Наш бизнесмен умер, захлебнувшись рвотными массами. Да, неприличная смерть. Да, в его кругу как то не принято так умирать. Куда красивее под парусом, на яхте, в океане, от укуса акулы или какогонибудь средиземноморского краба. Или от пули конкурентов. Или от сердечного приступа. В крайнем случае, от инсульта. А тут блевотиной поперхнулся, будучи пьяным в стельку. Плебейская смертишка. Так? Оттого и выглядит как то не очень. И подозрения вызывает у многочисленной родни, оставшейся с носом в плане наследства.

Альбина промолчала, нехотя с ним соглашаясь.

– А как им не возмущаться?! Ничего то он им оставить не успел. И все то досталось единственной по закону наследнице – молодой жене! Им это глубоко противно. Им это не нравится. А у меня к ним тут же ко всем вопрос – разве он умирать собирался? Разве думал, что издохнет, как алкаш какой то последний? Знаешь, какой ответ у меня тут же для них для всех?

– Какой?

– Пить надо меньше! И побольше внимания уделять своей молодой жене. И спать с ней в одной постели. А не отпраивать на выходные к маме. А и ладно... И так долго провозились с алкашом этим. Дел невпроворот. Ты что сегодня вечером делать собираешься, девочка?

Альбина наморщила лоб, соображая. Мысли запрыгали с сумасшедшей скоростью.

Если так спросил, значит, хочет ее чем то нагрузить. Работа исключается, ничего срочного нет. Отчет он сам только что напечатал. Что тогда? Очередное знакомство ей готовит? Точно! Он еще вчера намекал на какое то семейное торжество и племянника, нагрывнувшего неожиданно.

Михаил Иванович, Михаил Иванович, сколько можно?! Были уже и внучатые, и просто племянники, и соседские мальчишки, выросшие на глазах и приличную биографию имеющие. И случайные будто бы визиты к ним в кабинет случайных знакомых. И...

– Я занята, – настырно нагнула голову Альбина, пытаясь придумать на ходу какуюнибудь объективную причину для отказа.

– Чем?

Он подозрительно шурился, помахивая отчетом: «Вот, мол, все уже сделано за тебя, милочка. Что придумаешь на этот раз?»

С Сучковым было непросто. Он пристанет – не отвяжешься. А если уже кому то ее в качестве новой знакомой посулил, то пиши пропало.

– Я собираюсь навестить новоиспеченную вдову, – вдруг пришло ей на ум то, о чем она еще мгновение назад и не думала.

– Зачем это? – Сучков поверить то поверил, но не понял – зачем.

– Так... Зайду проведать. Скажу, что последние штрихи к отчету собираю. Ну... Спрошу, может, она кого то подозревает?

– Уже спрашивали! – насупленно рыкнул Сучков. – Врешь неубедительно!

– Михаил Иванович, ну хочется мне взглянуть на нее в горе! Хоть убейте, хочется! – принялась она тут же верещать, сама начиная верить в то, что говорила. – Больно уж она на похоронах убивалась. Чрезвычайно просто! И на поминках в обморок пыталась падать.

– Пыталась, да не упала, – задумчиво обронил Сучков после минутной паузы. – Ладно, одобряю. Сгоняй к вдове. А я пока отчет в стол уберу. До завтра. Идет?

– Идет!

Симпатичное скуластое лицо Альбины Парамоновой осветила лучезарная улыбка, сделавшая ее похожей на милую наивную девчушку. Без багажа знаний по криминалистике и психологии, без умения метко стрелять с места и на бегу, без упорного неверия в преступную добродетель. На самом то деле она была тем еще твердым орешком!

Сучков любил ее, как родное дитя. Опекал, защищал, если надо. Наставлял, когда необходимо было. И сидел до сих пор в рабочем кабинете только из за нее. Так то устал и ушел давно бы. Жена уже пять лет как на дачу переехала. Не нарадуется. И на него ворчит.

– Вот Альбинку замуж выдам, тогда и уйду, – обещал он ей, приезжая все больше на выходные.

– У нее своя голова на плечах имеется, – вздыхала супруга, хотя Альбину тоже жалела. – Она еще и тебя научить чемунибудь сможет. И не очень то она в опеке нуждается. Чрезвычайно самостоятельная. Чрезвычайно!

– Ладно тебе... Девке голову преклонить не к кому. Горемыка... Сирота почти...

– Вот придумал!!! – фыркала жена и уходила в дом греметь посудой.

Она всегда ею гремела, если злилась сильно. И когда бывала с ним не согласна.

Конечно, сиротой Альбину при живой матери называть было грешно. Но мать Альбины как то очень давно и настойчиво считала свою дочь самостоятельной. В дела ее не лезла, к своим не допускала. Жила она за тысячи километров, уехав к очередному мужу. Звонила редко, все больше по причине очередной ссоры с мужем. Сердечные дела дочери ее не интересовали совершенно. Остальные она считала засекреченными и не интересовалась ими тоже.

Отца Альбина не помнила, хотя он был, и даже на семейных фотографиях имелось изображение.

– Сгинул где то, – пожалала она однажды плечами и скорбно поджала губы, прекращая дальнейшие расспросы.

Сучков больше не спрашивал. Но девчонку жалел. Хорошая была девчонка. Правильная. Недоверчивая только больно. Часто в людях путалась. Вполне приличных могла обвинить чертте в чем! Как вот с журналистом этим. Хороший же был парень! И влюбился в нее не на шутку. Сам Сучкову признался, когда он с ним говорить попытался, чтобы за Альбину заступиться.

– Нет! – строго тогда отрезал Владик – высокий, ладный красавец с приятным открытым лицом и строгими серыми глазами. – Я так не смогу! Она станет вечно меня подозревать. Во

всем!!! Мне придется всегда перед ней оправдываться. Я... Я стану себе противен! Нет, это не для меня!!!

Больше они, насколько было Сучкову известно, не виделись. И девочка страдала. Пыталась, конечно, пыталась завести новые романы. Но не выходило. Тогда он сам подключился к подбору кандидатов. Начал ее знакомить, случайно сталкивать нос к носу, приглашал к себе, придумывал всякие семейные сборища. Жена не противилась. Даже рада была общению. Засиделась одна на даче то. На сегодня у Сучкова тоже было кое что намечено, но раз она так категорически против, тогда...

– До завтра? – Он протянул ей руку, стоя возле своего подъезда, куда она его довезла. – Если не будет новостей, накажу!

– До завтра, Михаил Иванович. – Она снова улыбнулась ему, помахала рукой и едва слышно пробормотала: – Обожаю тебя, настырный старикашка!

Он услышал, помозговал. Получалось, что необидно. Ухмыльнулся и, дождавшись, когда ее машина скроется из вида, полез в карман куртки за телефоном.

– Алле, я это, Сережа. Да, да, договаривались, только... Сбежала невеста наша.

Парень рассмеялся довольно и задиристо.

– Ах, так вот она как, да?! И куда побежала?

– К вдове!

– Того самого Рыкова?

– Того самого.

– Не верит вам, значит?

– Ох, Сережа, она никому не верит! Себе – на восьмой раз! Не знаю, что с ней делать! Я так никогда на пенсию не уйду! – пожаловался со слезой Сучков, хотя глаза его сияли довольным, азартным блеском. – Чего делать станем?

– Придумаем чтонибудь, Михаил Иваныч! – И Сережа отключился.

«Этот придумает», – с уважением взглянул в потухший монитор телефона Сучков. Этот не только придумает, но, может, и укротит неукротимую красотку, а? Больно уж надоело промозглыми осенними утрами из постели выбираться, вместо того чтобы «лежа» слушать треск поленьев в дачной голландке. Ах, как правильно они сделали, что не сломали ее, купив дачу! Как уютно с ней и удобно! А каша какая получается! На газу так не сварить. Ни за что не сварить.

И он тут же, передумав, повернул прочь от подъезда к стоянке такси, на ходу набирая номер жены.

– Алле, милая, это я. Ждешь меня?

– Ох-ох-ох, я тебя всегда жду, Мишка, – вздохнула протяжно супруга. – Уж и ждать устала. А ты все не едешь и не едешь.

– А я еду к тебе.

– Да ты что?! Как же? А Сережа, а Альбина?! – Она переполошилась, встревожилась, но слышно было, что радости в этом переполохе было больше, чем тревоги. – Ой, а я, как назло, сегодня грибами занялась и ничего не приготовила. Мишка, ну хоть за час бы предупредил. Что я теперь успею?!

– Кашу хочу, милая. Хочу кашу!

– А ребята? Они разве станут есть твою размазню?!

– Ребят не будет, – он ухватился за ручку желтой «Волги», потянул на себя.

– И как же теперь?! А Сережа ведь хотел...

– Если Сережа чего то хочет, сама знаешь, всего добивается. – Он сел на заднее сиденье, расслабленно откинулся. – Дачный поселок, пожалуйста...

– Да уж, – отозвалась жена, – он добивается. А мы что же?

– А мы понаблюдаем, милая. А вот чтонибудь да выгорит из знакомства этой пары недоверчивых колючек.

Глава 4

Двухэтажный особняк под остроконечной черепичной крышей тонул в промозглых сентябрьских сумерках. Ни одно окно, а выходило их на дорогу с дюжину, не светилось. Темно было и на подъездных дорожках, и возле беседок. В прежние времена Виталий Рыков на электричестве не экономил. Когда бывал дома, светилось все, светились все. Доброжелательным был, веселым, шумным. Прислуга бегала по дому и участку, выполняя его бесконечные поручения: растопить баню, разжечь мангал, почистить бассейн, приготовить кучу закусок – гостей будет много к ужину. Вымести в гараже, они насорили там с друзьями дубовыми листьями, когда за вениками лезли, чтобы попариться. Почистить стол для бильярда – снова будет много гостей.

Шумно было всегда, весело, суетно. Но никто не роптал. Ни соседи, ни прислуга. Потому что все любили его – Виталия Рыкова, – тридцатилетнего удачливого бизнесмена, веселого, добродушного. Да, временами он мог перебраться со спиртным. Да, мог быть и хамоватым и грубоватым. Но за щедростью его души этого почти не замечалось. Почти...

В доме тоже было темно и тихо, как и во дворе. Скорбь по умершему без времени хозяину, казалось, обволакивала стены, скапливалась в пыли в углах, отражалась в многочисленных витражах высоченных шкафов с коллекционным оружием. И если бы не приглушенный гул из цокольного этажа, можно было подумать, что все в доме умерло вместе с хозяином.

Шлейф печали, скользя по дому, спотыкался на пороге просторного помещения, когда то пустовавшего, но недавно переделанного под танцзал. Там горел яркий свет. Играла негромкая, но очень зажигательная музыка, и в центре зала был накрыт стол на троих человек. К застолью еще не приступили. Сервировка оставалась нетронутой, бутылки не были открыты. Но запахи, чудные запахи жарящегося мяса, острых соусов витали под высоким потолком.

– Настя! – сдавленным шепотом окликнула молодую женщину в черном платье та, что хлопотала возле барной стойки. – Иди, возьми у меня салат!

– О господи, мама! Ты хотя бы сейчас можешь оставить меня в покое?

Настя возлежала в дальнем углу зала на огромном диване, полукругом отгородившем большую часть помещения. Длинные ноги в черных чулках были вытянуты и грациозно сплетены, изящные туфельки на плоской подошве, короткое черное платье с высоким воротником. Узкая черная лента, обхватывающая белокурую головку. Все вроде бы намекало на вдовство, если бы не удовлетворенное выражение лица, не сходявшее с симпатичного юного лица. И еще улыбка, без конца трогавшая полные яркие губы.

На зов матери она так и не пошла. Так и осталась полулежать в мягких велюровых подушках. Все, что она сделала, так это вздохнула глубоко и прерывисто и несколько иначе переплела ноги. Короткое платье ее при этом задралось чуть выше, тут же показалась резинка чулок, а выше – гладкая холеная кожа цвета топленого молока.

Третий участник готовящегося пиршества сидел на диване напротив Насти. И, не отрываясь, наблюдал за движениями ее шикарных длинных ног. Видел он и резинку чулок, и кожу, которая – он знал – такая гладкая, такая нежная! Видел и знал, что скрывается выше. И знал, не только по наблюдениям, каким бешеным темпераментом обладает эта милая крошка с внешностью холодной, неприступной красавицы. Еще он знал, что может прямо сейчас схватить эту девку в охапку, оттащить куданибудь подальше от ее вездесущей мамыши и взять, как захочет. А может и не тащить и взять прямо здесь, прямо на глазах у матери. Она ведь не раз за ними наблюдала, хотя и отрицала все. Он мог сделать это, и желание мешало ему сосредоточиться. Настя знала о его мыслях, и это тоже мешало ему сосредоточиться. А сосредоточиться было просто необходимо. Нужно было держать ухо остро. Пиршество не зря устраивалось. Не зря эта мерзкая старая сволочь приготовила его любимым соус к так любимому им мясу.

Вернее, сначала Виталик все это полюбил из ее рук, а потом уже и ему перепало.

Виталик, Виталик...

Добродушный грубоватый великан. Знал ли ты, какие змеи вползли в твой дом?! Мог ли догадываться, какую роль ты должен сыграть в их стратегическом жизненном плане?! Вряд ли! Вряд ли и догадывался. Он вот тоже не догадывался. А попал. Слава богу, что жив еще! Но это до тех пор, пока он им нужен. Как только надобность в нем отпадет, его тоже уберут. Тихо, незаметно, под видом несчастного случая. Поэтому...

Поэтому он должен быть им полезен как можно дольше. Как можно дольше делать вид, что ест из их рук. Что во всем слушается маму и уважает ее. И что хочет, да нет, не хочет – любит! – эту похотливую мерзкую суку Настю.

У него нет выбора. Вернее, был. Но он его упустил, просрал, как любит говорить мама.

– Стерва, – беззлобно отозвалась от стойки мама, подхватила сразу три широкие тарелки и потащила к столу. – Никакого проку от тебя, кроме...

И она с любовью осмотрела творение рук своих и господ. С головы до ног осмотрела. И от ее глаз не укрылось, что Настя соблазняет сейчас третьего участника их застолья.

– Прекрати дыркой сверкать, шалава! – прикрикнула она на дочь. – Дело есть... Очень важное дело. Дэн, затвори глаза!

Дэн тут же отвернулся, а через мгновение встал с дивана и пошел к столу.

Он не ошибся. У старой кобры снова созрел какой то план. Интересный, опасный, авантюрный и очень, очень преступный. Ей плевать было на деньги, понял он уже давно. Плевать было на кучу денег, драгоценностей, горы ценных бумаг и долю в бизнесе. Ей это не было нужно.

– Кастриюлю с похлебкой я давно заработала, выйдя на пенсию по вредности, – любила она повторять.

Ей нужен был риск. Головокружительный, на грани жизни и смерти, успешный. Она этим жила. Она этим дышала. А Настя...

Ей было все равно, этой красивой глупой корове.

«Как мама скажет, так и будет», – говорила она, лениво перебирая украшения в шкатулках, которые прилипали к их преступным рукам.

Мама умела говорить. А они – слушать. Вернее, он научился ее слушать. Поначалу пытался спорить. И что вышло? Ничего! Они сломали его, подмяли под себя, не оставили выбора.

– Дэнчик, ешь мяско, – мама скользнула по его лицу алчным глазом. – Для тебя, милый, готовила. Специально для тебя!

Он чуть не поперхнулся. Виталику так тоже было сказано за четыре часа до смерти.

– Не бойся! – тут же угадала она и заржала мерзким квакающим смехом. – Ты нам нужен, милый. И мне, и Насте!

«Мне» – она выделила особо, и у него тут же свело внизу живота.

Все, что угодно, только не ночь с этой старой сукой!!! Он лучше удавится, лучше в полицию пойдет и сдастся, чем тискать эту одутловатую, мерзкую бабу. И Насте сказал уже давно об этом. И маме прямо в лицо. Она все равно не думает успокаиваться. Ну ничего, он выстоит. Хоть в чем то!

– Наливай, Дэнчик, – приказала мама в четвертый раз.

Бабы уже охмелели изрядно. Он держался. Он сильным оказался по отношению к выпивке. Сам от себя не ожидал.

– Ну, выпьем за наш успех! – в четвертый раз провозгласила мама, поочередно повернув в их стороны довольную, лоснящуюся рожу.

– Уже пили за успех, – захныкала Настя, нашарила под столом своей ступней его промежность, слегка надавила, а потом принялась поглаживать. – Давайте за любовь!

– Мы пили за успех нашего прошлого предприятия, – хитро прищурилась мама.

И у Дэна тут же снова все зануло, не от ножки Настиной, а от страшного предчувствия. Очередного страшного предчувствия.

– А теперь я хочу выпить за успех нашего будущего предприятия, дети! – Мамаша опрокинула в себя стаканище виски.

Начинается!!!

– Нашего совместного будущего предприятия!!! – И еще один стакан ушел в алчную утробу.

– Не пора притормозить? – вдруг выпалил Дэн помимо своей воли.

Он знал, что нельзя возражать этой старой паскуде. Знал, что она держит его на подозрении, но вместе с тем – и на крючке, и зарок себе давал молчать. Но не сдержался. Наверное, от Настиной ступни разомлел.

– Ссышь, голубок? – Мамашина пятерня прошлась по его волосам, больно ухватила за короткий хвостик на затылке и оттянула голову назад. – Соскочить хочешь?!

– С чего это? Что мне – бабло лишнее? – Он нервно улыбнулся, вспомнив о нетронутых средствах на разных депозитных счетах. – Просто...

– Что «просто»? Что?!

Она привстала с места, нависла над ним, низко опустив над его запрокинутым лицом свою голову. И пожирала его глазами, пожирала. Если бы не Настя, вдруг подумалось Дэну, мамаша точно запустила бы свои ручищи в его ширинку.

– Не надо частить, мамуля! Это может привлечь внимание. Лучшее всегда враг хорошего. Пора притормозить. Я не сказал остановиться! Притормозить! – Он осторожно, но с нажимом оторвал ее пальцы от своих волос, отодвинулся и сделал два глубоких вдоха и выдоха.

Видит бог, он еле сдерживался. Он давно уже не был в таком бешенстве, как сейчас. Еще одно ее слово, и он точно превратит ее рожу в этот кроваво-красный острый соус, так полюбившийся ему к мясу. Он станет рвать ее мерзкую грузную плоть руками, разбрасывая куски вокруг себя. Он станет плясать в лужах ее крови. Он...

– Размечтался! – ухмыльнулась старая мразь ему прямо в лицо. – Если что со мной случится – пакет с компроматом на тебя тут же ляжет на стол прокурору. В том конверте на три пожизненных, Дениска...

– Ма, отстань от него, – вдруг занула Настя.

Как всякая глупая баба, она терпеть не могла никаких непонятностей и треволнений. Она обожала удовольствия. Нервничала, когда мать заставляла ее рисковать. Слушалась, но нервничала. Так то было ради дела. А теперь ради чего? Чего собачиться своим же?!

– Заткнись, дырка!!!

Мамаша тяжело задышала, ревнуя непонятно кого к кому. Потом с грохотом выбралась из за стола и тяжело заходила по танцзалу. Походка ее напоминала Дэну походку старой медведицы. Или носорога. Или слонихи. Огромное, бесформенное и очень опасное тело. Может...

Может, правда задушить ее какнибудь, а? И удрать за границу с Настей? Он устал. Устал от вечного риска, от необходимости приносить в жертву приятных зачастую парней. Устал жить скромно, когда на его счетах за границей была уйма денег. Чего ради убивать, если ничего нельзя тратить? «Погоди до поры», – вечно твердит мамаша. А когда она, эта пора, наступит? Когда он станет таким же вот неуклюжим и старым, как она?!

– Короче, так... – Она повернулась к ним, взглянула холодным, не терпящим возражений взглядом. – Последнее дело – и разбегаемся.

– Ух ты!!! – недоверчиво выдохнул Дэн.

– Ух ты!!! – с надеждой выдохнула Настя.

– Дэн прав, – вдруг нехотя признала мамаша и покосилась на него с неодобрением или укором, черт ее разберет, змею эту гремучую. – Слишком хорошо – уже нехорошо. Бабла у нас столько, что и внукам хватит. Можно было бы и завязать, но...

– Что «но»? – надула губы Настя, успев размыслиться о белоснежной яхте, уединенном красивом острове и замке на самой высокой скале, поросшей пальмами.

– Есть еще один клиент, которого надо... приложить, – подыскала мать нужное слово.

Дэн тяжело выдохнул и закатил глаза, расставив под длинной скатертью ноги так, чтобы Настина ступня могла беспрепятственно там бесчинствовать. Хоть что то, господи, хоть что то!

– Мне что, снова надо за него замуж выходить?

Настя, ощутив ногой возбуждение, довольно ухмыльнулась, плотнее вжалась спиной в спинку стула, чуть съехав попкой по сиденью, и принялась с силой водить вверх-вниз по ширинке Дэна.

– Нет. Замуж не надо. Тебе вообще не надо будет светиться.

Мамаша поморщилась, уловив методичное колыхание края скатерти. Поняла по Настинной довольной ухмылке и поплывшему взгляду Дэна, чем они занимаются, плюнула и через минуту ушла, плотно закрыв дверь в танцзал.

– Ну, иди сюда, мой ненаглядный, – промурлыкала Настя, выбираясь из за стола. – Иди, я тебя чем то угощу. Чем то лучшим, чем эта мерзкая огненная подливка моей мамашы...

Она пошла к дивану, на ходу задирая платье. На ней даже не было трусов. Эта дрянь никогда не носила нижнего белья. Задрав платье до поясницы, Настя встала коленками на край дивана, уперлась руками в спинку и призывно изогнулась.

– Ну же, Дэнчик, ну! – прошептала она подрагивающим от возбуждения шепотом. – Давай!

Дэн уже успел расстегнуть штаны и спустить их до коленей, когда в самом верху под потолком танцзала, где располагалось узкое, размером со школьный пенал вентиляционное сквозное отверстие, ему почудилось какое то движение.

Да нет, конечно же, не почудилось! Там в самом деле что то загремело. И он даже знал, кто это гремел!

Мамаша подглядывала! Она всегда за ними подглядывала, старая сука. Неспроста же она так быстро смылась отсюда, заметив их кошачьи игры. Наверняка тут же метнулась к своему наблюдательному пункту. У нее в каждом углу такие имелись. Однажды она даже притаилась в шкафу спальни и просидела там целых три часа. Ровно столько Дэн забавлялся с Настей. Он бы и раньше закончил, но заметил присутствие старой ведьмы и продолжал, продолжал, продолжал. Мамаша потом призналась ему, что чуть не потеряла сознание от желания сходить в туалет и от желания... присоединиться.

Теперь ее не испугал промозглый вечер и то, что необходимо было встать на коленки, а то и на живот лечь, чтобы их рассмотреть.

– Старая извращенка... – шепнул он, пристраиваясь к Настинному заду. – Старая затасканная сука!!!

Настя ничего не слышала, принявшись громко стонать. Она всегда орала, как ненормальная. Ему даже порой казалось, что она переигрывает. Но он никогда не говорил ей об этом. Откровений их семейка не понимала и не принимала.

Он не успел, черт побрал бы все на свете! Старая сука ворвалась в танцзал в самый неподходящий, самый пиковый момент. И Дэну пришлось отступить, скрипнув до боли зубами.

– Ма, ты совсем, да?! – вытаращила на нее Настя глазищи, перекатываясь на бок и натягивая на голый зад черное платье. – Чего врывается?!

Мамаша стояла на пороге и тряслась. Именно тряслась, посинев губами и лицом. И не от холода, о чем поначалу подумал Дэн, ведь ей пришлось наверняка ложиться на брюхо, чтобы видеть их.

Старуха тряслась от страха.

– У нас проблемы, дети!!! – выпалила она через минуту и сползла по стене на пол, грузно приземлившись у порога. – У нас, на хрен, такие проблемы...

Глава 5

Альбина попала в жуткую пробку. Как оказалось потом, когда она осторожно объезжала причину затора, столкнулись две машины. Слава богу, не было жертв. Слава богу, ни на ком не было ни царапины. Просто два новичка решили не соблюсти правила и стукнулись багажником и передним бампером. Встали намертво, принялись ждать полицию.

А все остальные и те, кто правила эти терпеть не мог, но вынужден был соблюдать; и те, кто правилам этим следовал безукоснительно, хотя порой и считал некоторые чудачеством; и те, кто уважал правила и ездил всегда с ними только в соответствии, – вынуждены были стоять в длинном хвосте из за этих двух болванов. И проклинать кого? Правильно! Полицию!

За то, что не проконтролировала и позволила ездить этим неумехам. За то, что правил напридумывала столько, что теперь не свернуть никуда и не объехать. И за то еще, что так долго едет.

Альбина не ругала никого. Она просто стервенела от ожидания. Она проголодалась, захотела в туалет. У нее в баке было почти пусто. И дома в холодильнике – также. И не собиралась она, если быть честной, ни к какой вдове. Просто решила соскочить с очередной вечеринки Сучкова, устраиваемой в ее честь. А коли вызвалась, теперь уже не попятышься. Он ведь завтра непременно спросит, откусывая от своего ужасного бутерброда:

– А что вдова? Как поговорили?

Врать, что ли?

Вот и стояла в пробке, пережалев себя вдоль и поперек. Можно было бы вернуться домой, но больно немного оставалось до поворота, где проживали в огромном доме счастливые прежде супруги.

Она вдруг задумалась. А почему ей не показалось натуральным счастье молодой девушки со свадебной видеосъемки? Почему она усомнилась в искренности ее слез смущения? Просто потому, что привыкла никому не верить? Или у нее сейчас происходит, как любит говорить Сучков, возвращение интуиции?

«Интуицию, ее, Альбина, возвращать надо, как рассаду, – частенько повторял ее старший наставник. – Ухаживать за ней. Не относиться пренебрежительно к ее тревожным посылам, не отмахиваться, когда в затылке покалывает или под ложечкой щемит. Тогда... Вот тогда она, милая, и плодоносить начнет. Что те помидоры на грядке у моей супруги!»

Впереди показались проблесковые огни, народ суетливо заерзал в машинах. И минут через пять все медленно поехали.

– Слава тебе, господи, и полиция родная! – кисло улыбнулась одному из инспекторов Альбина, проезжая мимо. – А то ведь точно описалась бы...

Через двести метров она свернула на заправку, потому что оранжевый глазок уже не моргал, он нагло вытаращился, угрожая остановкой машины в любом месте. Она заправилась, сбегала в туалет и на всякий случай купила себе шоколадный батончик и кофе. Засады, конечно, она не планировала. А вдруг!

К дому вдовы Рыковой она подъехала, когда уже темнело.

Альбина оставила машину метрах в ста от красивой широкой дорожки, обрывающейся у ворот. Прошла туда-сюда вдоль забора. И чего?! Окна в доме темные. Фонарики во дворе не горят. Дома нет никого? Или вдова, нарыдавшись вдоволь, спит, уткнув распухшее лицо в подушку?

Альбина постояла возле ажурной калитки минут пять, потом решительно поднесла палец к кнопке звонка и нажала. Она искренне надеялась, что звонок работает, и где то там, в красивом доме под черепичной крышей, раздастся сейчас его требовательная трель. Здесь, на

темной улице, освещаемой лишь тусклым светом из за забора соседей Рыковых, была такая тишина, что у нее уши заломило.

– Что, прямо так вот и никого нет? – спросила Альбина у калитки и неучтиво пнула ее носком ботинка.

Легонько пнула, не обидно. Но калитка вдруг отозвалась человеческим голосом, причем мужским.

– Так вот прямо и никого нет! – ответила ей калитка, заставив попятиться. – Стучи – не стучи, звони – не звони, не откроют!

– Господи! – отмахнулась она и наконец догадалась оглянуться.

Конечно, говорящих калиток не бывает. Говорил с ней мужчина, который зачем то встал у нее за спиной.

– Кто вы? – выпалила Альбина и сделала вид, что лезет за пистолетом.

Пистолета у нее никакого не было. Но напугать мужчину стоило. Однако он оказался не из пугливых. Он сделал шаг ей навстречу, встав так, чтобы на него падал свет из за соседнего забора, тем самым давая возможность получше рассмотреть себя, протянул ей руку и представился:

– Сергей!

– И дальше что?

Руки протянутой она не пожала. А свою правую еще глубже засунула в подмышку, вдруг у нее там и правда пистолет?!

– Дальше? – Мужчина улыбнулся. – Дальше: будем знакомы, Альбина Витальевна? Я Сергей. Сергей Иванцов.

– О господи... – с облегчением выдохнула она и внимательнее присмотрелась, узнавая.

Ну конечно! Это тот самый опер, который высмеял ее теорию насчет Анастасии Рыковой. При ней причем он этого не сделал, забившись на совместном совещании куда то в угол. Зато потом в курилке, рассказывают, на все лады ее версию критиковал.

– Нашла «черную вдову»! – глумился Иванцов в клубах дыма. – У этой девицы мозгов – в чайную ложку поместятся! Чтобы так виртуозно своего молодого супруга на тот свет спроводить, нужно иметь солидный опыт за плечами.

И так далее, и в том же духе.

Альбине очень хотелось сойтись с этим Иванцовым лоб в лоб, но Сучков отговорил: «Он матерый, Альбина. Он съест тебя и костей не выплюнет. Нужен этот казус твоей начинающейся карьере?»

Она сердито сопела в ответ. И за нее отвечал сам Сучков: «Нет, не нужен! Тем более что Серега, кажется, прав».

Если он настолько прав, то почему сегодня вечером отирается у ворот почившего Виталия Рыкова?!

– Не ожидала вас здесь увидеть, – проворчала Альбина и поежилась, вечерняя прохлада начала нагло запускать свои холодные лапы под короткую курточку и за широкий воротник.

– А я вас будто ждал! – насмешливо протянул опер и еще раз шагнул к ней навстречу. – Так что вы тут делаете, Альбина Витальевна?

– Хотела переговорить со вдовой, – не стала она вилить.

Нет, ну не с духом же почившего она тут собиралась пообщаться!

– О чем, если не секрет?

Темные глаза Иванцова сделались в сумерках похожими на две черных бездонных дыры. И из них сквозило неприязню. Ей так показалось.

– О своем, о женском, – не уточнила она.

Альбина нагнула голову в надежде найти какойнибудь камешек, чтобы отвлечься и немного отвлечь Иванцова от разглядывания. Но дорожка была тщательно выметена, и предмета для отвлекающего маневра не нашлось.

– Вы то зачем здесь? – вдруг спохватилась она и снова поежилась.

Кажется, начинало морозить. Еще минут пять, и она начнет клацать зубами. И в машину запросится. Вот Иванцову радость!

– Я? – Он вопросу удивился и будто засмутился даже.

– Вы, вы!

– Если скажу, что я здесь, чтобы увидеться с вами, вы, конечно же, не поверите? – глумливо произнес Иванцов, сунув руки в карманы штанов и принявшись качаться с каблука на носок ботинка.

– Нет, конечно! – Она чуть не поперхнулась.

Все же он был наглым, самоуверенным и противным, Иванцов этот. И хотя, по утверждениям Сучкова, женщины от Сергея млели и практически ему не отказывали, Альбина скорее руку бы себе дала отпилить, чем легла бы с таким типом в постель.

– Вы так рьяно высмеивали мою версию и вдруг приехали сюда! – Она повела вокруг себя рукой. – Что то все таки вас тревожит, не правда ли?

– Тревожит. – Он вдруг шагнул к ней еще ближе, схватил за локоть и прижал к своему боку, шепнув: – Тихо! Не дергайтесь! За нами наблюдают!

– Кто?!

Она, убей, не слышала ни единого звука, не видела ни единого намека на присутствие человека. Но стоять на месте осталась, послушно прижимаясь к его теплому боку.

На Иванцове была теплая куртка на подстежке. И ее тоненькая ветровка, конечно, ей проигрывала. А еще на нем были штаны, а на ней – юбка чуть выше колен, тонкие прозрачные колготки и короткие ботиночки. От него шло тепло, и она решила потерпеть ради собственного организма, ну и в интересах дела, конечно же.

– Пока не знаю... – неуверенно начал он и вдруг обхватил ее за талию, повернул к себе лицом и прижал уже так. – Но что то определенно как то не так!

Она не успела заподозрить его в неискренности. Хотя краткая мысль о том, что он использует ситуацию, чтобы пощупать ее, Альбину на мгновение посетила. Но укорениться подозрение не успело, потому что все изменилось очень стремительно.

Откуда то...

Даже непонятно, откуда именно! Дом то тонул в темноте, и вокруг него тоже не было ни огонька. И вдруг откуда то с дальней стороны усадьбы послышался рев мотора, потом визг покрышек, и из проулка, не принадлежащего ни Рыковым, ни их соседям, просто из проулка, соединяющего две параллельные улицы, выскочил джип темно-вишневого цвета. Водитель резво взял в сторону от того места, где обнимались Альбина и Иванцов. Вдавил педаль газа так, что машину занесло, и через пару минут умчался.

– Что это было?! – шепнул Иванцов ей на ухо, он ее не отпустил, но тарачился в сторону укатившего джипа с таким напряжением, будто в силах был его маршрут просчитать.

– Что – я не знаю. – Альбина заворчалась – как ни тепло, а правила приличия уже заявляли о себе в полный голос. – Но вот кто – догадываюсь.

– Да? И кто же это? – Сергей из заботливого и вполне милого вдруг снова превратился в противного, вальяжного, недоверчивого. – Вдова озорует? Насколько мне известно, ее машина...

– Нет, не вдова. Это был... Это был Владик, – нехотя выдавила Альбина и прикусила губу.

Сейчас начнутся противные вопросы: кто он, откуда он, кем приходится, когда познакомились, из за чего расстались? И как она думает, чем он тут мог промышлять? К не менее противным ответам она не готова.

Но Иванцов почему то не стал ее ни о чем расспрашивать. То ли деликатность проявил, то ли машину ведущего журналиста ведущего издательства узнал. Он помолчал, тоже поискал взглядом чтонибудь такое, что можно было бы пнуть. Не нашел и вдруг потащил ее прочь от калитки.

– Моя машина там, – уперлась Альбина каблуками в последние метры широкой подъездной дорожки Рыкова.

Иванцов тащил ее в противоположную сторону.

– А? – Иванцов взглянул, увидел, кивнул. – А моя... Моей тут нет.

– Почему?

– Потому что ее нет по определению. Отдал в ремонт пару месяцев назад. Сюда на такси приехал. – Он энергично шагал рядом с Альбиной, видимо решив, что ее транспортное средство на сегодня выполняет роль дежурного. – Сдохла, старушка. Жаль до слез. Наверное, придется продавать. А что делать!

Они остановились у машины. Альбина не спешила открывать. Стояла, рассматривала Иванцова – сюда свет фонарей от центральной проезжей части доставал изумительно. И ждала, что будет дальше.

Вообще то при детальном рассмотрении своего спутника ей пришлось признать, что он в самом деле хорош собой. Но внешность его была какой то несовременной, гусарской. И она бы скорее применила к нему слово пригожий, нежели привлекательный. Чуб какой то нелепый, бакенбарды еще более нелепые. Узкие штаны, почти как рейтузы гусарские. Аксельбантов и коня ему не хватало для полной картины!

«Герой не моего романа», – вздохнула Альбина, открывая машину в ответ на требовательно-зовущие взгляды Иванцова. Ей такие сиропные мальчишки никогда не нравились.

Владик...

Владик был другим. Он был очень высоким, стройным, гибким, с открытым симпатичным лицом, пухлым ртом и серыми глазами. Он был интересным собеседником, умел слушать, заразительно смеялся и, кажется, обожал ее.

Как же она могла так облажаться, а?! Как могла не поверить ему? Дурой надо было быть, чтобы послать запрос о нем на его работу! Конченой, недоверчивой дурой! И уже менее чем через неделю, вместо того чтобы нежиться на белом песке под пальмами, она давилась своим одиноким скудным ужином из макарон и сосисок и изо всех сил уговаривала себя не разбавлять этот ужин слезами.

– Куда едем?

Иванцов сидел рядом с ней и призывно поигрывал бровями. Она чуть не расхохоталась. Тоже еще – поручик Ржевский! Шел бы оболящать их бухгалтерию или архив. Там девчонки девять из десяти – холостые. И до таких вот черноглазых и вихрастых очень охочи. Ей этого добра не надо. И с галунами, и с конями, и с аксельбантами.

– Вам куда, товарищ Иванцов? – Альбина вежливо улыбнулась, потянув ремень безопасности. – И пристегнитесь, пожалуйста.

– Да ладно тебе. – Он фыркнул, достал удостоверение, помахал им. – Ребята поймут.

– Ребята поймут, я нет, – настаивала она, совсем позабыв, что сюда сама ехала без ремней безопасности. – Или выходите из машины.

Он обиженно завозился с застежкой, щелкнул, отвернулся к окну. И когда она тронулась с места, скороговоркой назвал свой адрес. Они молча ехали. Молча доехали. Молча простились, едва кивнув на прощание друг другу. И только когда она развернулась, чтобы ехать обратно, Иванцов вдруг встал на ее пути.

– В чем дело, Сергей?

Альбина насупилась. В сумерках она и так неважно видела. А тут еще за рулем! Да еще в плохо освещенном дворе! Да еще при поблескивающем в свете фар схваченном морозцем тротуаре! Идиот!!!

– Как думаешь, Парамонова, что ему там понадобилось, Владика твоему?

Упс-сс!!! Ей будто под дых вдарили. Он знал!!! Он знал не только Владика, но и о том, что тот когда то был ее парнем, тоже знал. Хотя стоило ли удивляться? Наверняка ходили разговоры о ее подозрительности и о последствиях этой самой подозрительности. Ох, Иванцов в курилке позубоскалил наверняка по этому поводу.

– Не знаю, – сцепила она зубы, уговаривая себя не заводиться. – Вам надо было спросить у него, Сергей!

– И спрошу! – повысил он голос, принявшись снова раскачиваться с пятки на носок.

Где то она читала, не помнит где, что такое поведение – признак душевного беспокойства. Дискомфорта, неуверенности в себе. Или ей хочется думать, что она об этом читала?

– И спросите! – рявкнула она и чуть повернула руль, намереваясь объехать чубатого опера.

– Это ты его навела, да?! – впился он вдруг в ручку двери с ее стороны и засеменил рядом с машиной. – Скажи, ты? Ты была не удовлетворена результатами расследования, все тебе казалось, что такой крутой мужик, как Рыков, не может блевотиной поперхнуться во сне, вот ты и натравила своего журналиста на бедную женщину. Так?!

– Во-первых, женщина эта не так уж и бедна, если учесть, что ей досталось в наследство. – Альбина вдавила педаль тормоза и теперь пыталась закрыть дверь, но Иванцов держался за нее очень крепко и настырно тянул на себя. – Во-вторых, журналист давно не мой! И я с ним не общаюсь! И что он там делал, я не знаю. А вот вы?..

– Что? Что я? – Его глаза снова превратились в две черных бездонных дыры, Альбину даже корежило, так противно он на нее теперь смотрел.

– Вы что там делали?! Пришли утешить молодую вдову?!

– Вообще, что ли, да? – опешил он, и глаза его вдруг наполнились блеском. – С какой стати мне ее утешать?!

– Ну как же, как же! Вы как никто были уверены, что она безутешна, что она не виновата в его смерти и...

– Знаешь, что я тебе скажу, Парамонова...

Он давно уже отошел от машины и не держался за дверную ручку, а она все не уезжала и даже для чего то стекло опустила. Зачем?! Чтобы услышать очередную пакость?! Надо было рвать отсюда, и делать это как можно быстрее! Тогда бы она точно не услышала таких обидных, таких несправедливых, таких гадких слов, которые он потом сказал. И не пришлось бы потом безутешно реветь целый час, колошматя изо всех сил подушку.

А вот не уехала! И услышала.

– Знаешь, что я тебе скажу, Парамонова? – Он нашел наконец камешек, который они отчаянно пытались отыскать на безупречно выметенной дорожке Рыковых, и начал его катать подошвой ботинка, почти не глядя на Альбину. – Какую бы ты ему информацию ни скармливала, принося ему ее в клювике, он все равно к тебе не вернется. Никогда не вернется!

– Да пошел ты!!! – заорала она не своим голосом и укатила, почти так же взвизгнув покрывками об асфальт, как это давеча сделал Владик.

А дома проревела час. Потом успокоилась, пошла на кухню и тут же вспомнила, что холодильник пустой. С этим гусаром она вообще забыла про визит в супермаркет. И шоколадный батончик забыла в машине. Из еды в доме не было ничего вообще! Не было даже заплесневелой корки. Не было даже горсти макарон или пересохшего от возраста крекера!

Альбина вошла в ванную, взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. Волосы всклокочены, глаза красные, нос распух. Она долго умывалась сначала горячей, потом холодной водой.

Причесалась, надела толстую куртку с капюшоном, спортивные штаны, ботинки на толстой подошве и пошла в ночной магазин на проспекте.

Удивительно, когда люди спят? Половина одиннадцатого ночи, а народу в магазине – как перед праздником. Все что то покупают, хватают с прилавков, набивают салатами контейнеры, заполняют до самого верха тележки. В кассе было не протолкнуться. Альбина простояла минут двадцать, пока ей пробили ее несчастные килограмм картошки, два салата, плавленый сыр, копченую колбасу, три яблока, вафельный торт и литр кефира.

«Я плохая хозяйка», – мрачно размышляла она, размахивая пакетом по пути домой. Набрала всякой ерунды. Всякой несовместимой ерунды. Кто, скажите, ест яблоки с кефиром? А картошку зачем купила? Она же не собирается ее сегодня варить, и завтра не соберется! Картошка завянет, съезится, и она ее через пару недель выбросит.

Нет, наверное, Владик молодец, что ее бросил. Дело даже не в ее чрезмерной подозрительности. А в том, что она плохая хозяйка. А значит, стала бы плохой женой, а затем и плохой матерью. Владика нужна другая женщина. Не такая, как она. Ему нужна милая, практичная, доверчивая хозяйюшка. Не помешало бы, если бы она была при деньгах. Он ведь не раз сетовал на их отсутствие у себя. И восклицал об удивительном везении кого то там, кому вдруг привалило счастье обзавестись наследством или удачно вступить в брак.

Кстати, о Владике...

Что он делал в узком переулке возле дома Рыковых? Не навещал ли богатую вдовушку? Не помогал ли оплакивать без времени усопшего? Не взвалил ли на себя полномочия утешителя?!

– Не-е-ет! – замотала головой Альбина, вваливаясь в свою пустую холодную берлогу и бросая пакет с продуктами на пол. – Владик, он не такой! Не-е-ет!!! Этого не может быть!!!

И почти те же самые слова вырвались у нее следующим утром, когда Сучков – туча тучей – зачитал ей строчку из сводки ночных происшествий.

– Не-е-ет!!! – протянула она недоверчиво, губы ее дрогнули, раздвинулись в нелепой недоверчивой улыбке. – Не-е-ет, этого не может быть!!!

– Не может, но есть! И что ты на это скажешь?

Сучков отложил сводку. Взгромоздил локти на стол, уткнулся в кулаки подбородком и тяжело уставился на Альбину.

– Ничего, – ей нечего было сказать ему.

– Совсем ничего?

– Совсем.

Узкое горло сиреновой водолазки вдруг стало тесным, она оттянула его, завертела шеей. Все равно не помогало. Теперь тесно стало в груди. Там что то набухало и разрасталось. Огромное, темное, не пропускающее воздух. Мешающее сердцу нормально работать, а легким дышать.

– Я... Я не знаю, что он делал вчера вечером возле дома Рыковых, – еле выдавила она и неожиданно заревела, громко хлюпая носом. – Не знаю, что он там делал! Может... Может, у него с ней роман?! Может... Может, он причастен...

– А может, ты причастна к его там присутствию, милочка? Может, как утверждает капитан Иванцов, ты снабдила его информацией, и Владислав находился там из чисто профессионального интереса?

На нее Сучков больше не смотрел. Он таращился за окно, где бушевала непогода, брызжа в стекло мелким ледяным дождем, дергая порывистым ветром оцинковку подоконника. Он сегодня еле выбрался из дачного поселка. Дорога раскисла, такси к самому дому не проехало, пришлось идти пешком до асфальта. Он вымок и продрог молниеносно. Попутно поругал жену, удравшую из города в эту глухомань. Потом поругал себя, все еще продолжающего топтать на

работу, когда давно бы пора сидеть в уютном загородном доме возле печки и слушать веселый треск поленьев.

Не успел прийти на службу, и тут на тебе – новости.

– ЧП, Михаил Иванович, – встретил его на пороге Иванцов. Хмурым встретил, раздраженным.

– Что случилось?

Первая мысль была об Альбине. Неужели вчера ее визит к вдове закончился чем то таким, чем то нехорошим?!

– В тридцати километрах от города найдена машина журналиста Владислава Сиротина. Он работал...

– Да знаю я, где он работал, – отмахнулся тут же Сучков, перебивая.

Про Владика он знал все или почти все. Про вкусовые пристрастия, про посещения ночных клубов, про служебные расследования, временами заканчивающиеся скандалами. Иногда он жалел, что у них с Альбиной не сложилось. Иногда даже радовался.

– И что Сиротин?

– Погиб в автомобильной катастрофе, – промямлил неуверенно Иванцов.

– Погиб? – Тон капитана не мог его обмануть, что то было не так.

– Погиб или убили, – не стал вилять тот.

– Ну ка, ну ка, пойдём поговорим!

И Сучков хотел его увлечь к своему кабинету, но тот заартачился. «Из-за Альбины», – понял Сучков, и они пошли к Сергею.

– Все очень странно, Михаил Иванович, – начал без предисловий Иванцов, усевшись прямо на свой стол.

Гостю предложил стул у окошка, из которого дуло так, что у Сучкова, промокнувшего насквозь, тут же заложило нос.

– Мы встретились с Парамоновой возле ворот дома Рыковых, – начал рассказывать Сергей. – Толком и поговорить не успели, как на бешеной скорости из проулка выскочил джип этого журналиста и тут же умчался.

– Владик был там?! Почему?!

Сучков тут же сообразил, что скажет Иванцов следом. И не ошибся.

– Думаю, Парамонова снабжала нашего журналиста информацией, – небрежно, пожалуй, излишне небрежно предположил Иванцов.

И снова Сучков все про него понял: Альбина отказала ловеласу, вот он и пузырится.

– Наверное, хотела вернуть? – Сергей принялся рисовать пальцем большие квадраты на столе, на котором сидел. – Я так ей и сказал! Говорю, зря ты это. Он все равно к тебе не вернется!

Отказала! Точно отказала! Причем расстались не на дружеской ноте. Иначе Серега сейчас тут не опускал бы девчонку. Зря он ему вчера на нее наводку дал. Хотел сблизить их, сват чертов!

– Дальше что?

Насупился Сучков, попытался дыкнуть носом – не вышло, заложило плотно, теперь за каплями в аптеку беги. А рабочий день только начался. Увидят, лишний повод для укола: давно пора дома сидеть, а он все песком дороги посыпает, таскается сюда каждый день, место только занимает.

– Дальше? Дальше я про нее ничего не знаю. Куда потом поехала, с кем общалась. Домашний телефон у нее около одиннадцати ночи не отвечал, – вкрадчиво и противно продолжил рассказ Иванцов. – Может, она с ним потом встретилась, они поссорились...

– И она ему ДТП устроила? Туда, что ли, клонишь, Серега? – перебил его Сучков и встал со стула. Ему уже все лопатки продуло из окна, пневмонии ему к насморку как раз и не хватало!

– Нет, не туда. – Иванцова не так просто было сбить с толку, он спрыгнул со стола и пошел следом за Сучковым в коридор. – Просто... Просто странно все как то. И ДТП это...

– А что с ним не так?

– Понимаете, парень вылетел с дороги в машине, а потом выпал из окна и под свою же машину попал. Там мясо!!! Просто жуть!!!

– И?! Что говорят эксперты?

Сучков приостановился и уставился на Иванцова. Такие дорожные происшествия он и сам не любил: фальсификацией пахивало.

– А ничего они не говорят! Приехал наряд полиции, оформили все, вызвали медиков. Тело извлекли, погрузили, потом загрузили автомобиль на эвакуатор. Мы же не в кино, Михаил Иванович. Кто станет заморачиваться из за банальной аварии? Тем более – трасса оживленная, до наступления светлого времени суток надо все разгрести. Что, вызовут экспертов из центра?! Которые способны установить, было ли тело выброшено в момент аварии или до него?

– Смерть наступила в результате? – перебил его треп Сучков.

Больно умный! Наряд, прибывший на место аварии, тоже не с хлебозавода! Там тоже ребята насмотрелись наверняка всякого. Если бы были какие то сомнения, вызвали бы и экспертов из центра.

– Ну... Смерть наступила в результате перелома свода черепа и множественных травм, не совместимых с жизнью. Но эксперт сказал, что голову журналисту могла раздробить как машина, упавшая на него, так и тяжелый предмет.

– Кому он так сказал? – Сучков остановился в теплом, непродуваемом коридоре, здесь задыхалось свободнее.

– Мне.

– О, ты там уже побывал?

– Побывал. А почему нет? Что вас удивляет? Еще вчера я видел его живым и здоровым, а через два часа...

– Ты его видел? – Сучков повернулся и пристально уставился на Иванцова. – Разговаривал?

– Нет, но... Машину то он вел живым!

– Он вел? Ты его видел за рулем?

Вопросы для первокурсников! И заявления, сделанные сейчас Иванцовым, мог сделать только первокурсник.

– Нет, но...

– То то же, Сережа! – Сучков поднял вверх указательный палец, сильно боясь, что тот будет подрагивать, но ничего, нормально все прошло, показательно. – Ты видел машину. Предположительно, за рулем сидел Сиротин. Потом он куда то умчался и погиб в дорожной аварии. Не справился с управлением? Возможно, сам же видел, как он ездит. Ты мне вот что скажи...

– Что? – Иванцов приблизил голову к Сучкову, будто тот шептать ему что то приватное собрался.

– Ты куда хоть клонишь то? Зачем? И почему?

И он побрел неспешной походкой прочь от Иванцова с растревоженным чубом в сторону своего кабинета. Тяжело побрел. Устало. Он как никто понимал, что если Иванцов захочет, он может Альбине напакостить. И, словно в подтверждение его мрачных мыслей, Иванцов крикнул ему в спину:

– А у нее есть алиби?

Оставить без ответа этот выпад отвергнутого парня Сучков не мог. Он взялся за ручку своей двери, медленно ее повернул. И перед тем как скрыться в своем кабинете, ответил с легким подергиванием плеч:

– Вообще не считаю своим долгом ее об этом спрашивать.

Но спросил. И не только об алиби. Это он оставил на потом. Он обо всем ее спросил, что касалось минувшего вечера. И где была до того, как подъехала к дому Рыковых. И куда потом подевалась. И почему домашний телефон молчал.

– В пробке стояла, – для начала сказала Альбина.

«А могла и с журналистом встречаться», – тут же сделал мысленную пометку Сучков. Могла встретиться с ним и направить его туда, куда сама поехала. Чтобы он разнюхал, чтобы попытал счастья своего журналистского.

Но разве это преступление? Нет, конечно! Тем более что дела то и нет никакого: Рыков умер в результате несчастного случая.

– Потом все время с Иванцовым была. Домой его отвезла.

– А сама куда?

– Тоже домой.

Свидетельствовать в пользу этого утверждения тоже никто не мог. Телефон молчал. И она запросто могла снова встретиться с тем журналистом, который удрал от дома Рыковых. А чего удирал то, собственно? Кто его там застукал? Соседи? Сама вдова? Так темно было в доме. Дела-а-а...

– К телефону не подходила, потому что не хотела, – дула губы Альбина, совершенно не понимая, что происходит. И с чего это старший наставник устраивает ей допрос по полной программе. – Потом в магазин ходила.

– Ночью? – поднял брови Сучков.

– Ночью! Есть было нечего, я и пошла.

А могла и с журналистом встретиться. Могла с ним повздорить. Могла по башке ему чемнибудь съездить. За то, что он из благодарности не захотел с ней помириться. А потом замаскировать все под аварию. А как, интересно? Выбросить для начала бездыханное тело из машины, потом разбить стекло, следом разбить машину, спустив ее под откос.

Нет, мудрено очень. Этой девчонке не под силу. Владик высоким был, сильным, а значит – тяжелым. Если и сделал это кто то, то только не она. Да и вряд ли сделал.

Сучков протянул руку к телефону, набрал номер дорожной службы и через десять минут уже обладал информацией по ночному ДТП.

– Журналист твой летел, как ненормальный. Движение его машины засвидетельствовал видеорегиистратор поста ДПС. Вот он и вылетел в кювет.

– А чего летел то? И куда?

Альбина первый раз за начавшийся так неудачно рабочий день осмелилась задать вопрос.

– Из проулка выскочил, как ненормальный, аж покрышки завизжали.

– Может, вас увидел?

– Вряд ли, – она вспомнила, как Иванцов, пользуясь ситуацией, прижимался к ней, увлекая в тень. – Нас видно не было. Мы в тени стояли. Там вообще темно.

– Может, его вдова засекла?

– В доме тоже было темно.

– А чего он там тогда делал?

– Откуда я знаю! – воскликнула Альбина и покосилась на Сучкова.

Неужели он ее подозревает?! В чем же?! В чем??? В той ереси, которую выдал вчера гусар этот чертов?! Так ей как никому было известно, что дела нет, которое так просили возбудить обиженные родственники. И отчет об отсутствии состава преступления уже отпечатан. Зачем ей привлекать Владика? И тем более – Владика?! Она сама себе сыщик!

– Может, родственники не успокаивались? – предположил уже миролюбиво Сучков, выслушав ее внимательно. – Мы им отказали. Вот они к нему и обратились!

– Почему к нему? Частные конторы сыскные имеются, – Альбина пожала плечами.

Пока она оправдывалась, до нее почти не доходило, что Владика больше нет. Сейчас, в тот самый момент, когда потеплели глаза Сучкова, когда полез он в свой стол за очередной бутербродной порцией, ее и накрыло.

За что?! Почему, господи?! Он же хорошим был человеком, славным, добрым, искренним. Много работал, старался заработать.

– Тут что то... Что то не так, – выговорила она, дождавшись, когда Сучков расправится с краюхой хлеба и треугольным ломтем сыра. – Может, задание от редакции?

– Насколько мне известно, редакция расследованием предполагаемых преступлений не занимается.

– Тогда это сугубо личное дело.

– Личное... – пробормотал Сучков и снова нахмурился.

Личным делом у Владика Сиротина до недавнего времени была госпожа Парамонова. И по имеющимся у него сведениям, Владик фотографию Альбины убрал со своего рабочего стола всего лишь пару недель назад. Может, подозрения Иванцова не так уж необоснованны?

Нет, нет, нет, не стоило об этом думать! Сучков тряхнул головой и ушел к начальству. Потом весь день был настолько загружен, что совсем пропустил тот момент, когда его юная помощница удрала в отпуск.

– Как это?! – выкатил он глаза в отделе кадров, куда пришел с вопросом. – Я же ее прямой начальник!

– Вы были заняты, – пожала плечами кадровичка и очень выразительным взглядом дала ему понять, что не очень то с ним тут уже и считаются. – Она обратилась напрямую наверх. Рапорт ей подписали. Она уже давно должна была в отпуск пойти. Весь график нам сбила.

– А мне?.. Мне то что делать?!

Он растерянно взглянул в висевшее на стене у выхода зеркало. На него посмотрел очень старый, седой мужчина. Сердитый и ссутулившийся. На костюме крошки, нос покраснел и припух, зараза насморк, зараза Иванцов. Его облик никак не вязался с бравыми офицерами, снующими по отделу с утра до ночи. Он был стар и дряхл и понимал это как никто. Но выдерживал срок, срок, нужный Альбине. Она же просила! И удрала! Молча, без предупреждения, как предательница!

Она предала его своим поступком. Предала!

– И что же мне теперь делать?! – устало повторил он, облакачиваясь на стойку в отделе кадров.

– Ой, Михаил Иванович, я не знаю! – фальшиво улыбнулась ему кадровичка. – Пойдите тоже в отпуск! Вам же тоже положен. Вы уже три года не гуляли. Если пенсионер – что же, в отпуск не ходить и отдыхать не надо?

Вопрос был отвратительным и двусмысленным. И оба это понимали. И кончилось все тем, что к концу дня он написал рапорт об увольнении. Почти не удивился, с какой радостью ему его подписали. Сдал удостоверение, ключи от кабинета и собрался к жене на дачу.

«Пускай расхлебывает свои журналистские истории, как ей вздумается», – с обидой подумал Сучков Михаил Иванович, усаживаясь в такси и глядя на темные окна их общего до недавнего времени кабинета.

– История на этом не заканчивается, – проговорил он вслух.

– Что? – переспросил таксист, отъезжая от здания отдела.

– Нет, нет, ничего, – тронул его за плечо Сучков. – Дачный поселок, пожалуйста... История на этом не заканчивается...

Конечно же, он ничего такого не имел в виду! Конечно, говорил применительно к себе, имея в виду свой новый статус неработающего пенсионера. И уж конечно же, не желал никакой мести для Альбины. И даже поздним вечером, вдоволь напившись чаю с малиновым варе-

нем и прислонившись боком к теплому боку жены, он, засыпая, подумал, что, кажется, знает, почему девочка удрала.

Ей необходимо выплакаться. Необходимо оплакать своего бывшего жениха. Вдоволь и без свидетелей.

«Дуреха ты, дуреха», – подумал с жалостью Сучков, прежде чем провалиться в глубокий, тяжелый сон.

Глава 6

Настя Рыкова сидела напротив Иванцова с низко опущенной головой, и ему откровенно было ее жаль.

«Бедная, бедная девчонка», – думал он, с удовольствием рассматривая ее красивые коленки. Хотела жить богато, красиво, не хлопотно. А влипла в такую историю, что кусок сухого хлеба пряником покажется.

– Понимаете, мне звонят без конца! – шептала она сдавленным от сдерживаемых рыданий голосом. – То приятели покойного мужа, то его конкуренты, то родственники.

– Чего хотят? – Он вытащил из стола коробку с салфетками, которую держал на всякий случай для таких вот милых, попавших в историю девчонок.

Она вскинула тщательно причесанную головку, благодарно улыбнулась Иванцову, поспешно вытерла точеный носик. Скомкала салфетку и спрятала ее в кулачке. Она смущалась! И это его еще больше умилило.

– Кто чего! Но в конечном итоге все хотят одного – денег! – выдохнула она. – Родственники жаждут куска от наследства. Приятели пристают с предложениями продажи акций, а у Виталика в трех предприятиях был контрольный пакет. Конкуренты... С этими вообще беда! Угрожают! И тоже хотят акций Виталика.

– Вы что то им всем отвечаете?

– Нет. Почти нет. Водитель Виталика Денис отбивается пока от них, но тоже уже стал сдавать позиции. Поговаривает об увольнении.

– А адвокаты? У вашего покойного мужа ведь наверняка был целый штат...

– Эти алчные подонки уже давно переметнулись! – Она снова всхлипнула и принялась натягивать на коленки, так понравившиеся Иванцову, подол синего вдовьего платья. – Кто работает на его приятелей, кто переметнулся к конкурентам. А кто... Страшно себе представить, кого вокруг себя собрал бедный Виталик!.. Кто принялся суесться, помогая родственникам! При этом у них хватает наглости заявлять, что я их всех уволила!!!

Она снова пустила в ход салфетку, вытирая ею лицо. А Иванцов любовался. Про то, что вдова уволила всю адвокатскую контору, работавшую на ее покойного мужа, он уже слышал. И про то, что бедная девочка – гремучая змея, тоже. И что в смерти Виталика, являющегося кому то другом, кому то племянником, кому то двоюродным братом, очень много странного, Иванцов слышал тоже. Но!..

Но не было у экспертов ни тени сомнения! Сделана была куча анализов, экспертиз, работала целая комиссия. Ничего!!!

– Мужик просто перепил, и просто переел, и уснул на спине. И не смог потом перевернуться. Вот и все! – в один голос заявили эксперты. – Так помереть может каждый.

«Тьфу-тьфу-тьфу», – думал тогда Иванцов, внимательно изучая результаты множественных экспертиз. Упаси, господи, от такой страшной, некрасивой смерти! И такой несвоевременной. Он ведь был молодым, преуспевающим, многообещающим бизнесменом. Он был в самом начале пути. Проживи Настя с ним еще годик-другой, могла бы позволить себе о-го-ого сколько всего! Зачем ей было избавляться от него сейчас?! Это если, конечно, она избавилась. Иванцов то был уверен в обратном.

– Так... – он постучал простым карандашом по столу, призывая ее к вниманию. – Теперь давайте перейдем к сути нашей сегодняшней встречи.

– Давайте, – выдохнула она и подняла на Иванцова глаза бездомного побитого щенка. – Только я ведь ничего...

– Минутку! – Он поднял вверх руку, призывая ее к вниманию и послушанию. – Я сейчас стану задавать вам вопросы, а вы станете на них отвечать. Идет?

Она кивнула, подобрала ноги в туфлях на плоской подошве, показавшихся ему совершенно старушечьими, под стул. Напряглась. Спина выпрямилась неестественно, шея вытянулась, взгляд уперся в угол, где торчал старый ржавый изнутри и безобразно покрашенный снаружи сейф, а сбоку от него – веник.

– Итак... Что вы знаете о Сиротине Владиславе? Когда вы с ним познакомились? Что связывает вас с ним? Что он делал в вашем доме накануне своей гибели?!

Он намеренно забросал ее сразу целой кучей вопросов, избавляя себя от ее вранья и сразу давая понять, что ему многое известно. Сучков такую манеру ведения допроса всегда считал ошибочной. Часто указывал ему на это. Призывал к маневренной, легкой постепенной поступи. Иванцов отмахивался, считая себя правым.

Сейчас был как раз такой случай. Настя смутилась, растерялась. Взгляд ее заметался от ржавого сейфа к столу Иванцова, потом к подоконнику, заваленному бумагами, и снова к сейфу. На него она упорно не смотрела. Он не стал обвинять ее из за этого в неискренности. Он счел это затравленностью. Ей досталось, в самом деле. Милая, наивная девчушка, выходявшая замуж за мужчину с большой буквы и оставшаяся вдруг одна, без его защиты, – вот кем она ему казалась. Да наверняка такой и была.

«Нашла «черную вдову», – вспомнил он о Парамоновой. – Да у самой больше навыков для таких преступных дел, чем у этой наивной белокурой девчушки!»

– Итак, Настя?

– Гм-мм, Сиротин Владислав... Это журналист? Знаете, столько имен после смерти мужа, что я могу и перепутать, извините. – Она робко взглянула на него, улыбнулась так смущенно, что у Иванцова комплекс вины тут же зашкалил. – Да, кажется, журналист. Такой красивый, высокий, да?

«Красивый? – Иванцов мстительно ухмыльнулся, вспомнив останки журналиста на столе патологоанатома. – Сколько теперь красоты найдет в нем Парамонова? На что станет любоваться?»

Он поморщился от этих мыслей, попытался одернуть себя, призвать к порядку. Человек все же погиб, и неплохой человек. Но болезненный укол, который он испытал, когда Альбина его отвергла, тут же вспомнился. Он снова почувствовал отвратительное унижение и злость, они вернулись.

– Да, – коротко ответил он на ее вопрос. – Высокий и красивый. Как вы познакомились?

– Мы? – Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить. – Честно, все как в тумане! Но мы с ним встречались. Точно встречались. Он задавал вопросы про Виталика. Кажется... Кажется, готовил какую то статью про него. Хорошую статью.

– Так... И?

Иванцов нагнул голову, уставился на кончик заточенного карандаша. В издательстве отвергли слухи о том, что Сиротин работал по этой теме. Их будто бы эта тема совершенно не интересовала: «Панегирики слагать – не наш стиль. И расследованием причин смерти тоже мы не занимаемся».

Тогда что получается? Получается, что Иванцов снова прав? Сиротин занимался этим в частном порядке? Зачем? Почему? Кто натолкнул его на мысль усомниться?

Конечно! Да, да, да!!! Парамонова! Она единственная из отдела, кого смущала смерть молодого бизнесмена. Она единственная взяла под сомнение причину его смерти. И если она не могла заниматься этим в служебном порядке, она – что? Она попросила о помощи – кого? Правильно, своего бывшего дыхателя!

Но что то у них там потом пошло не так и...

Так, тихо! На цыпочках! Нельзя форсировать события, надо дослушать вдову до конца.

– Он появился сразу почти после похорон, – вспоминала Настя, сплетая длинные изящные пальцы на коленках.

Платье снова поползло вверх, и Иванцов снова начал рассматривать ее ноги от тонких щиколоток до коленок. С удовольствием!

– Мы поговорили. Потом он пропал. Статья так и не появилась. Да мне было все равно. Не до того, понимаете? – Она выдохнула, вдохнула. – И вдруг снова появился дня три назад. И снова начал задавать вопросы. Только теперь как то иначе.

– Как именно? – Иванцов подался вперед. – Что то поменялось?

– Да! – Ее пухлая нижняя губа вдруг обиженно задрожала, глаза снова наполнились слезами. – Вопросы стали обидными. С каким то ядовитым подтекстом. Почти такими же, какими были вопросы этой девушки-следователя.

– Парамоновой?

Он слышал об этом. И даже слышал, что вдова грозилась на нее пожаловаться. Да так и не успела. Или передумала. Или не до того ей просто. Неизвестно от кого отбиваться в ее то бедственном положении!

– Да, кажется. Фамилию помню смутно, но такая эффектная, высокая, с короткой стрижкой.

Эффектная! Иванцов скрипнул зубами. Эта эффектная так его отфутболила эффектно, что ему до сих пор тошно. И в отпуск удрала, стерва. Даже Сучкову ничего не сказала. Все в шоке! Мужик даже от обиды взял и уволился. Что она теперь без него?! Ноль, пыль, пустое место! Кто теперь за нее заступится, реши Иванцов ее прессануть? Никто!

– Итак, вы утверждаете, что вопросы свои Сиротин поменял полярно и, вместо того чтобы говорить с вами о хорошем, вдруг начал задавать вопросы, имеющие подтекст...

– Да, да! – с жаром подхватила Настя, подавшись вперед.

При этом платье вдовы, плотно облегающее ее ладную фигуру, натянулось еще сильнее, и Иванцов отчетливо рассмотрел напрягшиеся соски под тканью и лифчиком. Волнуется, бедная!

– В его вопросах появился подтекст. Мне показалось, что он как будто тоже стал меня подозревать. Как и эта девушка-следователь! Это было так... Так неприятно!

– И что вы предприняли? – вдруг вырвалось у него.

Просто так. Он даже не хотел ее пугать, честное слово! Но Настя перепугалась. Она отпрянула, вжалась в спинку стула, затрясла головкой. Слезы, осушенные салфеткой Иванцова, снова обильно полились из глаз.

– Как... Как вы можете?! – зашептала она сквозь слезы, глядя на него так, что у него душу тут же начало раздирать. – Что я могла предпринять?! Послать его?! Воспитание не позволяет. Пожаловаться?! Так он намекнул мне при последней встрече, что у него есть защита в полиции.

«Парамонова!!! Попалась, голубушка!!!»

– Давайте подробнее о последней встрече, – попросил Иванцов.

– Да нет там никаких подробностей. – Ее щечки слегка порозовели, губы сердито надулись. – Я спала. Он начал барабанить в дверь. Я открыла. Он полез в дом. Я его не впустила.

– И все? – разочарованно протянул Иванцов.

Вообще то, пока они топтались с Альбиной у красивой чугунной калитки, никого у порога не видели. Может, Сиротин уже ушел и затаился в проулке?

Точно!

– Он ушел, но не уехал, – развеяла его сомнения следующими словами Настя. – Я видела из окон второго этажа его машину. Он оставил ее в проулке.

– А что потом?

Что так могло напугать Сиротина, что он сорвался, как чокнутый? Заметил их у ворот? Не хотел светиться? Так все равно они его видели!

– Мне было видно, как он вышел из машины, прошелся до угла, выглянул из за ворот. Отпрянул. Тут же вернулся в машину и умчался, как ненормальный! Может, кого то там увидел? Может, его вызвали куданибудь? Я же не могу знать!

Она уставилась на Иванцова, и теперь он поймал в ее взгляде нетерпеливое раздражение. Он и правда утомил ее. Спрашивал непонятно о чем. Разве могла она отвечать за жизнь и смерть журналиста, пренебрегающего правилами скоростного режима?

И тогда он задал ей последний вопрос. И ей он не понравился. А ему немного не понравилось, как она на него ответила.

– Как вы могли рассмотреть его блуждания вдоль забора, если там темнота такая, что?.. – Сравнения не находилось. – Разве из ваших окон видно?

– Видно, – с запинкой ответила она и прикусила нижнюю губку, отвернув от него голову влево. – Из окна кабинета моего мужа видно. И света от соседей для того, чтобы наблюдать за ним из темноты, было предостаточно. Я удовлетворила ваше любопытство?

– Да, все, спасибо!

Иванцов сорвался с места, предложил ей руку, взял под локоток и проводил до двери. Три его шага и пять ее, но этого было достаточно, чтобы ощутить под своей рукой ее упругий бок, уловить волнительное колыхание груди.

«Она супер!!! – вдруг подумалось ему с вожделием. – Покойного Рыкова вполне можно было понять. Взяв в жены девчонку из российской глубинки, он ничуть не прогадал. Не избалована. Не эгоистична. Целомудренна. И как хороша!!! Кому теперь достанется?!»

– Наверняка уже пристают с непристойными предложениями? – вдруг выпалил он вполголоса, открывая перед ней дверь и пропуская вперед.

– Что?! – Она даже отшатнулась от него, едва не ударившись головой о косяк. – Да как вы!.. Как вы можете???

Всхлипнув, она выдернула свою руку и почти бегом кинулась прочь от него, от его кабинета, от всего того, во что ей пришлось погрузиться со смертью мужа. Он наблюдал потом из своего окна, как она таким же быстрым шагом, напоминающим скорее легкий бег, пробиралась по двору к машине, ее ожидающей. Села со стороны пассажира на переднее сиденье. И уехала.

А он вдруг испытал странное моральное опустошение. Такое всякий раз посещало его, стоило закончиться в его жизни чему то хорошему.

Настя была хорошей! Чистой! Иванцов в этом был уверен на сто процентов. И если каким то там эффективным дамочкам казалось иначе, то это лишь их проблемы. Ко всем прочим, которые он им может создать.

И он создаст их ей, черт побери!

Глава 7

Первый километр они проехали в тишине. Дэн молча крутил баранку и на нее не смотрел. Чего он в ней не видел то? Чего, что не успело бы ему наскучить и даже стать ненавистным? Ноги, грудь, задница?! Добра такого по улицам ходит! Так там имелась вероятность ко всему вышеперечисленному заполучить нежную душу, трепетное сердце. А у Насти что вместо этого? Ничего! Пустота! Ее даже алчной нельзя было назвать. Она не была такой. Она была просто пустой и глупой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.